
E 14/56

E 14/56.

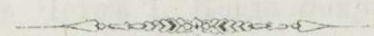
801-88
10593-2

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

МАРЬИ СЕРГѢЕВНЫ

МУХАНОВОЙ,

Фрейлины Высочайшаго Двора.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1878.

Дозволено цензурою. Москва, 11 іюня 1878 года

Изъ „Русскаго Архива“ 1878 года.

24636-0

МУЗЕЙ ПУБЛИЧ И РУМЯНЦОВ. БИБЛІО-ТЕКА

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

Фамилія Мухановыхъ происходитъ изъ Польши. Не извѣстно, когда предокъ нашъ выѣхалъ изъ Польши; знаемъ только, что Мухановъ былъ пожалованъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича имѣніемъ въ Рязанской губерніи. Первымъ извѣстнымъ сдѣлался Ипатъ. Домъ Мухановыхъ былъ въ нынѣшнемъ Армянскомъ переулкѣ, противъ дома боярина Матвѣева, гдѣ часто въ своемъ дѣтствѣ бывалъ Петръ I. Когда бояринъ Матвѣевъ ложился отдыхать послѣ обѣда, молодой Петръ Алексѣевичъ перебѣгалъ черезъ улицу къ Мухановымъ поиграть съ Ипатомъ, полюбилъ его и впослѣдствіи отдалъ его учиться въ Саардамѣ. Въ теченіе всей жизни, Царь очень любилъ его и всегда держалъ при себѣ. Мухановъ былъ его деньщикомъ и ночью спалъ у него на порогѣ. Онъ имѣлъ званіе капитана втораго ранга и всегда командовалъ тѣмъ фрегатомъ, гдѣ былъ Царь. Разъ Мухановъ, когда Царь началъ распоряжаться на

фрегатѣ, сказалъ ему: „во всемъ ты уменъ, Петръ Алексѣевичъ, но дѣло морское я лучше тебя разумѣю, а потому не мѣшай мнѣ“. Бо́льшихъ подробностей мы не знаемъ объ Ипатѣ, кромѣ того, что Петръ I сосваталъ его съ Полянской, которая принесла ему 500 душъ и за нимъ ихъ укрѣпила. Отъ нея у него не было дѣтей, потому Государь женилъ его на Шаховской, отъ которой и пошелъ родъ Мухановыхъ. Еще знаемъ, что разъ Государь, обрадованный какою-то побѣдою, спросилъ Муханова: „чѣмъ мнѣ подарить тебя на радости?“ Тотъ отвѣчалъ: „я столько уже получилъ отъ тебя, Государь, что мнѣ ничего не нужно,—думай о другихъ“. Царь въ это время одѣвался и, снявъ сорочку, отдалъ ее Муханову на память. Она долго хранилась у дяди моего Алексѣя Ильича, но въ суматохѣ 1812 года ее забыли вывезти изъ Москвы, гдѣ она и пропала. У него остался образъ Тихвинской Божіей Матери, въ богатомъ окладѣ съ жемчугами, которымъ Петръ благословилъ его. Еще есть нѣсколько писемъ Петра I къ нему; они переданы Павлу Александровичу Муханову, который началъ писать біографію предковъ Мухановыхъ. Въ царствованіе Петра I Ипатъ былъ посланъ въ Москву устроить морскую богадѣльню, гдѣ находится и теперь его портретъ. Онъ былъ красивой наружности, при атлетическихъ формахъ; когда узналъ онъ о кончинѣ Петра, съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Онъ просился въ отставку, но Екатерина

I, уважая въ немъ любимца своего мужа, не хотѣла его отпустить. У Ипата былъ одинъ сынъ Илья—отъ Шаховской, котораго онъ, минуя всѣхъ родственниковъ, поручилъ, умирая, своему слугѣ, который вѣрно исполнилъ завѣтъ своего господина: отвезъ молодаго своего барина въ кадетскій корпусъ, тогда только-что устроенный; всякую субботу бралъ его домой, ходилъ съ нимъ въ баню, а въ воскресенье привозилъ къ роднымъ на цѣлый день. О службѣ этого дѣда мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, но видимъ его сопровождающимъ императрицу Екатерину. По обѣту своему, онъ построилъ церковь въ селѣ Успенскомъ, которая донынѣ сохраняется въ большомъ порядкѣ. У него было семь сыновей: Алексѣй, Иванъ, Дмитрій, Николай, Сергѣй, Александръ и Михаилъ и одна дочь Марія въ замужствѣ за Колычевымъ.

Воспитаніе шести старшихъ сыновей было домашнее, и только младшій Михаилъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Образованіе заключалось въ русской грамотѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Старшіе два, Алексѣй и Иванъ Ильичи, говорили кое-какъ по-французски. Но честность, благочестіе и любовь, взаимно связывавшая братьевъ между собою и съ отцомъ, были какъ бы исключительнымъ достояніемъ этого семейства. Между тѣмъ, несмотря на недостаточное образованіе, двое изъ нихъ были замѣчательными людьми. Изъ моихъ разсказовъ уже довольно извѣстенъ характеръ и

складъ ума моего отца. Старшій десятью годами братъ его, Алексѣй Ильичъ, былъ отличнымъ сенаторомъ, — такимъ твердымъ и энергическимъ, что небогатые люди, имѣвшіе въ его департаментѣ дѣла, не трудились пріѣзжать въ Москву для ходатайства, зная, что правда въ рукахъ Алексѣя Ильича не нуждается въ другомъ разъясненіи, кромѣ его прозорливаго ума и непоколебимой твердости; такъ мы слышали по дорогѣ въ нашемъ путешествіи. Служба его началась въ конной гвардіи, потомъ онъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ съ честію командовалъ полкомъ и взялъ городъ Анапу, при чемъ первый взошелъ на укрѣпленіе. Послѣ мой старшій дядя былъ вызванъ императрицею Екатериною II и назначенъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента Сената; эта должность въ то время была очень важная, потому что въ этотъ департаментъ стекались всѣ важныя дѣла, какъ теперь въ Государственномъ Совѣтѣ. Здѣсь, однажды, увидавъ на столѣ указъ о налогѣ на соль, онъ взялъ его и преспокойно положилъ себѣ въ карманъ, къ ужасу прочихъ сенаторовъ. По окончаніи присутствія онъ поѣхалъ во дворецъ и просилъ тогдашняго любимца Государыни, графа Платона Александровича Зубова, доложить Государынѣ, что этотъ указъ можетъ быть пагубенъ какъ для благоденствія народа, такъ и для славы Императрицы, что народъ можетъ сказать: видно ужь матушка наша очень обѣднѣла, что начала торговать солью. Им-

ператрица такъ была этимъ довольна, что при первомъ куртагѣ, подозвавъ Алексѣя Ильича къ своему столу и вставши съ своего мѣста, низко кланяясь, благодарила его за то, что онъ спасъ ея славу. По кончинѣ Императрицы, дядя мой былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ былъ его украшеніемъ долгое время и гдѣ авторитетъ его никогда не оспаривался.

По восшествіи на престолъ Николая Павловича, онъ, уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, просился въ отставку, но Государь просилъ его не оставлять службы, говоря, что совѣтъ его можетъ быть полезенъ, даже если онъ не можетъ лично присутствовать въ Сенатѣ. Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ показывалъ къ нему особенное почтеніе и хвалился тѣмъ, что былъ его ученикомъ. Кромѣ того, дядя былъ еще почетнымъ опекуномъ и имѣлъ въ особенномъ своемъ завѣдываніи прежде институтъ, а потомъ Маріинскую больницу. Онъ также, какъ и мой отецъ, не любилъ хвалиться накопленіемъ экономическихъ денегъ, но прежде всего думалъ о снабженіи больницы всѣмъ нужнымъ. Время его управленія больницею осталось въ памяти служащихъ, какъ самое цвѣтущее.

Изъ другихъ дядей, Иванъ Ильичъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, управляя въ Москвѣ Коммерческимъ Банкомъ. Александръ Ильичъ былъ губернаторомъ сперва въ Казани, а потомъ въ Рязани, и кончилъ свою карь-

еру шталмейстеромъ въ Москвѣ. Вездѣ, безъ сомнѣнія, поступалъ честно и похвально, хотя не имѣлъ тѣхъ блестящихъ качествъ, которыми обладали ярко выдавшіяся изъ семейства лица. Дядя Михаилъ Ильичъ умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ и къ службѣ былъ мало способенъ по лѣнивому своему характеру. Дмитрій Ильичъ совсѣмъ не служилъ по болѣзни, а Николай Ильичъ, дослужившись къ конной гвардіи до чина бригадира, вышелъ въ отставку. Сестра ихъ Марія Ильинишна, старшая изъ всего семейства, вышла въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ за Колычева. Союзъ этотъ не былъ счастливъ и не благословленъ дѣтьми. Она имѣла нравъ строптивый и безпокойный, а онъ страдалъ по временамъ припадками сильной меланхоліи. Мать, ее любившая какъ единственную дочь, требовала настоятельно, чтобы отецъ далъ ей часть имѣнія болѣе нежели другимъ, а этого онъ не хотѣлъ сдѣлать по справедливости. Сыновья, видя, что этимъ нарушается семейный міръ, просили отца исполнить желаніе матери. Тогда отецъ, поблагодаривъ ихъ, сказалъ: „такое неправедное достояніе не пойдетъ въ прокъ и все же вамъ возвратится". Такъ и случилось. Такъ какъ отецъ мой былъ единственнымъ родственникомъ, могущимъ покровительствовать своимъ, то племянники обыкновенно жили подъ его кровлею. Сначала два сына Ивана Ильича, потомъ сынъ Николая Ильича, потомъ два сына Алексѣя Ильича—каждый оставался по

два года подъ покровительствомъ дяди и тетки до той поры, пока, привыкнувъ къ жизни, онъ могъ дѣйствовать самостоятельно. Первые были Алексѣй Ивановичъ и братъ его Павелъ. Алексѣй былъ красивъ собой и довольно хорошо учился, но былъ простъ умомъ, хотя не до такой степени, какъ представила его Марія Аполлоновна Волкова въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ". Онъ былъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, пожалованъ камеръ-юнкеромъ, что давало тогда чинъ статскаго совѣтника. Великія Княжны часто вызывали его на танцы съ собою; но, по его неловкому уму, скоро перестали быть къ нему благосклонными. Онъ женился на княжнѣ Мещерской и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; ему не было еще 25 лѣтъ. Павелъ Ивановичъ былъ другаго характера. Онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ, который представляло батюшкино положеніе, и хотѣлъ самъ проложить себѣ дорогу. Вступивъ въ егерскій гвардейскій полкъ, жилъ въ казармахъ съ солдатами и довольствовался ихъ пищею. Чрезъ 6 мѣсяцевъ онъ былъ произведенъ въ офицеры за отличіе. Однажды онъ нашелъ на столѣ моего отца пригласительный билетъ въ Эрмитажъ, взялъ его, соблазнился подскаблить имя и вставить свое. Батюшка, провѣдавъ объ этомъ, сказалъ ему: „я не зналъ, что ты способенъ дѣлать фальшивыя бумаги". Это такъ оскорбило его, что нѣсколько времени онъ избѣгалъ встрѣчи съ отцомъ и сухо отвѣчалъ на его разговоры. Вообще

въ немъ была сила характера, за что батюшка его любилъ. Впослѣдствіи этотъ характеръ показывался въ разныхъ случаяхъ, но особенно при его ранней кончинѣ. Когда онъ узналъ о смерти своей матери, которую нѣжно любилъ, то имѣлъ столько силъ, что, не показывая своей горести, ходилъ за больнымъ моимъ отцомъ. Когда началась война 1812 года, батюшка, бывши друженъ съ Багратіономъ, просилъ его взять племянника Павла Муханова къ себѣ въ ординарцы. Только-что Французы перешли Нѣманъ, при первой перестрѣлкѣ Павелъ Мухановъ началъ проситься участвовать въ ней. Багратіонъ не хотѣлъ отпускать его, говоря, что онъ безъ пользы и чести можетъ пропасть въ этомъ первомъ неважномъ дѣлѣ и что доставитъ ему случай отличиться. Перестрѣлка кончилась благополучно; но когда онъ возвращался съ товарищами и разговаривалъ по-французски, казакъ принялъ его будто за француза и пронзилъ его между плечъ пикою, такъ что она прошла насквозь. Принять его за француза онъ не могъ, потому что онъ возвращался съ товарищами; а еслибъ онъ былъ плѣнный французъ, то все-таки казакъ долженъ былъ удержаться отъ такого поступка. Другіе думали, что такъ какъ на Мухановѣ была серебряная лядунка, то казакъ закололъ его съ тѣмъ, чтобъ ограбить, но и это трудно было сдѣлать. Какъ бы то ни было, рана оказалась смертельною. Ему сказали, что пока пика еще не вынута, онъ можетъ еще жить. Первымъ дѣломъ его

было послѣ того позвать священника, исповѣдаться и пріобщиться святыхъ таинъ, потомъ написать къ женѣ письмо, въ которомъ давалъ ей совѣты насчетъ воспитанія ихъ дочери, которой тогда уже не было на свѣтѣ. Кончивъ всѣ свои дѣла, онъ велѣлъ вынуть пику и скоро кончилъ жизнь на рукахъ у брата своей жены. Послѣдній послѣ говорилъ, что еслибъ онъ не былъ вѣрующимъ христіаниномъ, то сдѣлался бы таковымъ, видя такую прекрасную кончину. Ему былъ 21 годъ, а женатъ былъ уже второй годъ. Платовъ приходилъ къ нему и спрашивалъ его, не можетъ ли онъ указать на казака, пронзившаго его, но онъ отвѣчалъ, что не замѣтилъ чертъ его лица. Шурину же сказалъ, что изъ тысячи онъ могъ бы указать на него. Впрочемъ убійца не избѣгъ своей участи. Платовъ узналъ о немъ и велѣлъ его засѣчь нагайками до смерти. Жена Павла еще и до сихъ поръ жива; она урожденная Олсуфьева. Олсуфьевы, ея братья, воспитывались въ домѣ моей тетки почтеннѣйшимъ французскимъ аббатомъ. Кстати — нѣсколько словъ объ этомъ аббатѣ. Я была съ нимъ очень дружна; это—загадочное лице и настоящаго его имени никто не зналъ; его звали „L'abbé Limousin“— вѣроятно по мѣсту его рожденія. Онъ разсказывалъ, что спасся почти раздѣтый на англійскомъ суднѣ, гдѣ украдкой отъ всѣхъ помѣстился такъ, что его позднѣе нашли внизу на самомъ днѣ судна. Пріѣхавши въ Англію, онъ не хотѣлъ поль-

зоваться милостыней англійскаго правительства, но давалъ французскіе уроки. Въ Англіи онъ выучился англійскому языку, такъ что могъ читать на немъ, и его образованіе, очень глубокое, сдѣлалось менѣе одностороннимъ. Въ Лондонѣ онъ получилъ письмо отъ моей тетки, которымъ онъ былъ такъ тронутъ, что хотя уже отказался ѣхать въ Россію, но не могъ отказать материнской просьбѣ. Вотъ нѣкоторыя черты, по которымъ можно догадываться, что онъ былъ высокаго рода. Первое то, что онъ разсказывалъ о съѣздѣ, на которомъ духовенство отказывалось отъ своихъ правъ и преимуществъ,—говорилъ, что онъ сидѣлъ подлѣ Лафаета и уговаривалъ духовенство отказаться отъ того, что и такъ будетъ отнято рано или поздно. Потомъ Наполеонъ, когда возстановилъ церковь и сталъ отыскивать прежнихъ духовныхъ лицъ, предложилъ ему архіерейство, отъ котораго онъ отказался. Еще мнѣ кажется по всѣмъ даннымъ, что онъ былъ изъ числа священниковъ, присягнувшихъ революціонному правительству, что мнѣ не кажется вовсе преступнымъ, потому что такимъ образомъ онъ могъ помогать въ религіозномъ отношеніи своимъ согражданамъ. Онъ кончилъ жизнь въ домѣ дѣтей моего дяди Ивана Ильича, гдѣ жилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, въ первую холеру и погребенъ въ общей могилѣ, такъ что и мѣсто погребенія его сдѣлалось также неизвѣстнымъ, какъ и онъ самъ. Я навѣщала его часто и была съ нимъ въ перепи-

скѣ. Онъ всегда бесѣдовалъ о предметахъ словесности и я много обязана ему своимъ образованіемъ. Онъ любилъ меня какъ дочь и утѣшалъ въ моихъ внутреннихъ скорбяхъ, то-есть духовныхъ.

Мать моя, Варвара Дмитріевна Муханова, происходитъ изъ рода Тургеневыхъ. Родоначальникъ Тургеневыхъ, татарскій ханъ Турга, выѣхалъ изъ Золотой Орды при великомъ князѣ Василіи Темномъ, принявъ крещеніе, при которомъ воспріемникомъ былъ самъ Великій Князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчинами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышльскаго уѣзда принадлежала ему. Одинъ изъ Тургеневыхъ, жившій при Дмитріи Самозванцѣ, обличилъ его, сказавъ лже-царю: „ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю". За это голова его пала на плахѣ, и онъ ублажается церковью, какъ св. мученикъ. Другой, подобно ему, за смѣлое обличительное слово, погибъ отъ руки Пугачева. Вообще, Тургеневы отличались честностью и неустрашимостью. Прадѣдъ Ивана Сергѣевича, нашего извѣстнаго писателя и мой дѣдъ, т. е. деверь моей бабушки, Алексѣй Романовичъ Тургеневъ, служилъ въ пажахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности, Биронъ удалилъ его, пославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда про-

тивъ Турокъ, съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуждали принять магометанскій законъ, за что онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ.

Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество, и доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога предъ образомъ святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась предъ этимъ образомъ; внезапно отворяется дверь и входитъ давноожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая. Церковь эта находилась уже послѣ не въ нашемъ имѣніи, такъ какъ огромное состояніе Тургеневыхъ было отчасти раздѣлено между родственниками, отчасти продано въ чужія руки. При этомъ деревянная церковь была, за ветхостію, упразднена, а образъ св. Николая отданъ въ нашу теперешнюю каменную церковь, которая построена по плану Рэстрелли, съ великолѣпнымъ иконостасомъ, совершенно подобнымъ тому, который находится въ Кіевѣ, въ церкви ап. Андрея Первозваннаго.

Другой Тургеневъ, вѣроятно дядя того, о кото-

ромъ шла рѣчь, былъ въ караулѣ во дворцѣ у Анны Іоанновны, когда старушка (не помню ея фамиліи) прибѣжала въ слезахъ видѣть Императрицу, къ которой и была допущена; бросившись къ ея ногамъ, она разсказала, что увезли ея племянницу, и что послѣдняя должна быть обвѣнчана. Племянница эта и еще двѣ сестры ея жили у старой тетки своей въ дисциплинѣ того времени, всегда разряженныя въ роброндахъ, и не смѣли сказать слова. Офицеръ гвардіи (котораго фамилія, довольно извѣстная, тоже мною забыта) подкупилъ старую няню, водившую дѣвицъ въ церковь, и такимъ образомъ похитилъ одну изъ нихъ. Императрица немедленно послала Тургенева взять брачную чету, гдѣ бы она ни была, и привести ее во дворецъ. Новобрачныхъ застали за столомъ послѣ брака, который признанъ былъ незаконнымъ и расторгнутъ. Невѣсту призвали во дворецъ: „за кого ты хочешь идти замужъ?" спросила ее Императрица. Тогда Ушаковъ былъ въ караулѣ.—„Я никого не знаю, отвѣчала дѣвушка,—пожалуй выйду за Ушакова".

Впослѣдствіи Ушакова, дочь похищенной невѣсты, вышла замужъ за Дмитрія Романовича Тургенева: то была моя бабушка.

Алексѣй Романовичъ и братъ его, Дмитрій Романовичъ, погребены вмѣстѣ подъ однимъ памятникомъ, недалеко отъ нашего имѣнія, въ которомъ мы живемъ. Ежегодно мы посѣщали эту могилу, исправляя всякій разъ ея поврежденія,

такъ какъ она находится теперь въ чистомъ полѣ, на упраздненномъ кладбищѣ; гдѣ была прежде церковь, теперь тамъ живутъ, что называется, бобыли.

I.

Сергѣй Ильичъ Мухановъ родился въ 1763 году 27 іюня, въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II-й. Отецъ его провожалъ Императрицу въ С.-Петербургъ, въ числѣ офицеровъ ея конвоя. Она почувствовала холодъ и просила офицеровъ, чтобы кто-нибудь далъ ей свой сюртукъ; на это никто не вызвался, кромѣ моего дѣда. Императрица надѣла его сюртукъ и всегда вспоминала это обстоятельство съ благодарностію, знала его дѣтей и была къ нимъ благосклонна. Этотъ сюртукъ долго хранился у насъ, но, по неосторожности хранившаго его, пропалъ отъ моли.

У дѣда моего было семь сыновей; всѣ они служили въ конной гвардіи—любимомъ полку Екатерины; жили они дружно, всѣ на одной квартирѣ и имѣли общій кошелекъ. Нѣкоторые изъ иностранцевъ писали объ нихъ, а воспитанницы

Смольнаго монастыря признавались впослѣдствіи, что онѣ, по своей наивности, думали, что всѣ конно-гвардейскіе офицеры назывались Мухановыми.

Отецъ мой былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Зубовыми, и они такъ уважали его, что на своихъ попойкахъ не принуждали его пить; впрочемъ мой отецъ, кажется, только одинъ разъ былъ на такой попойкѣ.

Въ день восшествія на престолъ императора Павла I отецъ мой былъ произведенъ въ полковники. Какова была для него, обожателя Екатерины, перемѣна правленія, можно себѣ представить; да и не для одного его было чувствительно перейти изъ-подъ кроткаго правленія подъ строгое до суровости. Скоро мой отецъ почувствовалъ эту перемѣну на самомъ себѣ. Онъ командовалъ эскадрономъ конной гвардіи; офицеры нѣжно и преданно его любили и остались до старости его друзьями. Потому на парадахъ и смотрахъ его эскадронъ отличался предъ другими. Это обстоятельство возбудило неудовольствіе великаго князя Константина Павловича, командовавшаго другимъ эскадрономъ, и подало поводъ къ наговору на отца моего предъ Государемъ, будто бы мой отецъ просиживалъ ночи за картами, зная, что Государь всего болѣе не любилъ картежниковъ, между тѣмъ какъ отецъ мой не бралъ въ руки картъ.—Однажды на парадѣ Государь закричалъ проходившему мимо его моему отцу: „браво,

браво, Мухановъ!“. Надобно было стать на колѣни и благодарить Государя; но такъ какъ онъ стоялъ въ то время въ лужѣ, то отецъ мой не нашелъ возможнымъ исполнить этой церемоніи, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ бѣломъ колетѣ, а парадъ еще не кончился; онъ вынулъ свой палашъ и отсалютовалъ по военному уставу. „Баричъ! закричалъ Государь,—ступай за фронтъ“, и тотчасъ послѣ парада посадилъ его подъ арестъ.

Чрезъ нѣсколько дней его оттуда выпустили, чтобы посадить опять подъ болѣе строгій арестъ, вслѣдствіе какой-то новой подобной исторіи. Офицеровъ также посадили на хлѣбъ и воду, а у отца сняли орденъ св. Анны 2-й степени и шпагу. Государь-наслѣдникъ Александръ Павловичъ прислалъ къ отцу моему довѣренное лице спросить его, можетъ ли онъ отвѣчать за скромность своихъ офицеровъ, если онъ будетъ присылать имъ кушанье со своего стола. Отецъ мой благодарилъ за милость, но не принялъ предложенія, говоря, что хотя онъ и можетъ поручиться за скромность офицеровъ, но между тѣмъ знаетъ, что они скорѣе согласились бы вмѣсто хлѣба глодать камни, нежели подвергнуть Великаго Князя гнѣву его отца. — Не знаю точно, долго ли продолжался арестъ, но наконецъ и онъ кончился, какъ и все кончается на свѣтѣ, и отцу возвратили шпагу и орденъ; но вмѣсто того, чтобы надѣть орденъ на шею, онъ преспокой-

но положилъ его въ карманъ. „Что вы дѣлаете? говорили ему присутствующіе, — вы себя губите!“ — Онъ отвѣчалъ: „Если хоть одинъ день нашли меня недостойнымъ носить орденъ, то нестоитъ труда надѣвать его“.

Между тѣмъ онъ былъ отставленъ; когда онъ увидалъ, что въ приказѣ стоитъ слово „уволенъ“, а не „исключенъ“, то, перекрестившись, съ радостію сталъ собираться въ путь.

Нужно было представиться генералъ-губернатору Палену, но непремѣнно въ какомъ-нибудь мундирѣ. У портнаго нашелся только мундиръ эстляндскаго дворянина; такимъ онъ и представлялся Палену. Въ это представленіе, въ разговорѣ, Паленъ началъ бранить Государя, называя его тираномъ. Конечно, цѣль его была найти сообщника, но отецъ мой просилъ его прекратить этотъ разговоръ.

Оставивъ С.-Петербургъ, онъ поселился въ деревнѣ, близъ Троицкой лавры, съ своими братьями, изъ которыхъ двое были женаты. Вскорѣ императоръ Павелъ пріѣхалъ въ Москву. Для него давали балъ въ Благородномъ Собраніи. Отецъ мой тоже поѣхалъ на этотъ балъ, чувствуя себя совершенно невиннымъ предъ Государемъ; но не такъ думалъ Государь. Онъ отвернулся отъ отца и по обыкновенію своему запыхтѣлъ гнѣвомъ. По отъѣздѣ его съ бала, наслѣдникъ Александръ Павловичъ чрезъ всю залу пошелъ къ отцу и обнялъ его, что произвело большое

впечатлѣніе въ Собраніи. Отецъ мой, по отъѣздѣ Государя, возвратился въ свое убѣжище. Чрезъ нѣсколько времени появился тамъ внезапно фельдъегерь. Невѣстки моего отца, испугавшись, бросились въ образную на колѣни; отецъ успокоилъ ихъ, говоря: „Что вы такъ испугались? Дѣло, конечно, не касается вашихъ мужей; можетъ-быть Государь находитъ, что онъ не довольно меня наказалъ“. Потомъ онъ вышелъ спокойно къ фельдъегерю и спросилъ, въ чемъ дѣло. Тотъ подалъ ему письмо отъ Кутайсова, тогда еще камердинера и брадобрѣя Государя. Письмо было написано на грубой желтой бумагѣ и сложено, какъ отписки крестьянъ. Содержаніе его состояло въ томъ, что Кутайсовъ желалъ познакомиться съ моимъ отцомъ и просилъ его пріѣхать въ Петербургъ. Старшій мой дядя, Алексѣй Ильичъ, сказалъ: „Неужели ты поѣдешь по этой глупой запискѣ?“ — „Какъ же не ѣхать, отвѣчалъ отецъ, — письмо прислано съ фельдъегеремъ, слѣдовательно по волѣ Государя; онъ нашелъ меня гордымъ и хочетъ испытать“,—тотчасъ приказалъ готовить лошадей и часа черезъ два отправился въ путь.

Пріѣхавши въ Москву, онъ явился къ главнокомандующему графу Салтыкову. Жена его, графиня Дарья Петровна, очень любила моего отца: она приняла его за своимъ туалетомъ. „Ты знаешь ли, мой другъ, дружелюбно обратясь, сказала она ему,—зачѣмъ тебя вызываютъ въ Петер-

бургъ?“—„Нѣтъ, ничего не знаю; Кутайсовъ проситъ меня познакомиться съ нимъ.“—„Тебя вызываютъ въ должность шталмейстера. Большія перемѣны при Дворѣ; Государь самъ вспомнилъ о тебѣ. Времена тяжкія; послушай моего совѣта: я знаю твой благородный и гордый передъ властію характеръ, старайся себя смирить,—это нужно и для тебя самого, и для твоихъ подчиненныхъ.“

Тогда былъ обычай, установленный Государемъ, чтобы на заставѣ не только объявляли свое имя, но и причину своего пріѣзда въ Петербургъ. Отецъ мой объявилъ, что онъ пріѣхалъ занимать облигаціи вновь установленнаго банка, что очень насмѣшило Государя.

Представленіе послѣдовало въ Гатчинѣ, гдѣ Кутайсовъ стоялъ у дверей. Когда онъ доложилъ Государю о приходѣ моего отца, то Государь черезъ него же спросилъ, какой родъ службы онъ хочетъ избрать себѣ. „Если Государь находитъ меня достойнымъ служить ему, то я готовъ стать съ мушкетомъ въ ряды солдатъ,“ таковъ былъ отвѣтъ моего отца, который пришелся по нраву Государю. Онъ позвалъ его въ свой кабинетъ и спросилъ, знаетъ ли онъ русскія пословицы.— „Нѣкоторыя знаю, но не всѣ“, отвѣчалъ отецъ.— „Вотъ одна, сказалъ Государь: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“, — мои глаза подлежатъ тому же, какъ и твои.“ Отецъ мой сталъ на колѣни, прося Государя, чтобъ онъ не слушалъ

доносовъ на него, а всегда самъ объяснялся. Я помню точныя слова: „Государь! если когда-нибудь опять будутъ на меня доносить вамъ, то позвольте лично объясниться съ вашимъ величествомъ. Если не смогу оправдаться предъ вами, то пусть голова моя падетъ на плахѣ.“ Государь заплакалъ и, прощаясь съ нимъ, сказалъ: „Чѣмъ чаще ты будешь у Кутайсова, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе.“—Пріятно ли было это моему отцу—это другой вопросъ. Тутъ можно вставить другую пословицу: „*съ волками жить,—по-волчьи выть*“. Но и тутъ отецъ мой умѣлъ сохранить свое достоинство. Въ два съ половиною года своей службы въ царствованіе Павла онъ не видалъ отъ Государя косаго взгляда, дѣлалъ все, что хотѣлъ, одѣвался, какъ Государь не любилъ, и не слыхалъ никакого упрека; напротивъ того, Государь говаривалъ, что онъ никому не вѣритъ, кромѣ двухъ Сергѣевъ—своему духовнику и моему отцу.

Императоръ Павелъ каждое утро спрашивалъ, съ которой стороны вѣтеръ, и съ этимъ вопросомъ обращался къ великому князю Александру Павловичу, къ моему отцу и къ Кутайсову поочередно, и если они разногласили между собою, то очень гнѣвался; особенно доставалось Великому Князю. Во избѣжаніе такой непріятности, эти три лица согласились между собою каждое утро выходить на воздухъ и, увѣрившись, съ которой стороны вѣтеръ, докладывать уже о томъ Государю.

Государь любилъ показывать себя человѣкомъ бережливымъ на государственныя деньги для себя. Онъ имѣлъ одну шинель для весны, осени и зимы. Ее подшивали то ватою, то мѣхомъ, смотря по температурѣ, въ самый день его выѣзда. Случалось однако, что вдругъ становилось теплѣе требуемыхъ градусовъ для мѣха; тогда поставленный у термометра придворный служитель натиралъ его льдомъ до выхода Государя, а въ противномъ случаѣ согрѣвалъ его своимъ дыханіемъ. Государь не показывалъ вида, что замѣчаетъ обманъ, довольный тѣмъ, что исполнялась его воля. Онъ, кажется, поступалъ такъ по принципу, для поддержанія и усиленія монархическаго начала, тогда ниспровергнутаго французскою революціей. Жалкое средство, придуманное человѣкомъ отъ природы умнымъ! Точно такъ же поступали и въ приготовленіи его опочивальни. Тамъ, вечеромъ, должно было быть не менѣе четырнадцати градусовъ тепла, а печь оставаться холодною. Государь почивалъ головою къ печкѣ. Какъ въ зимнее время согласить эти два условія? Во время ужина растилались въ спальнѣ рогожи и всю печь натирали льдомъ. Государь, входя въ комнату, тотчасъ смотрѣлъ на термометръ,—тамъ четырнадцать градусовъ, трогалъ печку,—она холодная, и довольный ложился въ постель, утѣшенный исполненіемъ его воли, засыпалъ спокойно, хотя впослѣдствіи печь и дѣлалась горячею.

Безчисленныя его прихоти извѣстны всѣмъ. Не-

смотря на благородныя свойства его души и на природную его доброту, онъ возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть, которая и привела его къ несчастной кончинѣ. Я разскажу здѣсь нѣсколько случаевъ, которые мнѣ приходятъ на память. Однажды отецъ мой, слѣдуя издалека за нимъ и за великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, увидалъ, что Великій Князь махалъ нѣсколько минутъ треугольною шляпой и потомъ бросилъ ее далеко отъ себя: послѣ этого батюшка спросилъ Великаго Князя, что это значитъ. Онъ отвѣчалъ, что Государь колебался, уволить или нѣтъ Архарова, и потому загадалъ, которымъ концомъ шляпа упадетъ на землю.

Въ Эрмитажѣ давали балетъ „Красная шапочка“; танцоры были въ красныхъ шапочкахъ. Шведскій король, тогда посѣтившій Петербургъ, сидѣлъ подлѣ Государя; разговоръ шелъ пріятный и веселый. Шведскому королю захотѣлось пошутить и, смотря на красныя шапочки, сказалъ: „вотъ это якобинскія шапки“. Государь разсердился и сказалъ: „у меня нѣтъ якобинцевъ,— повернулся къ нему спиной и послѣ спектакля велѣлъ передать шведскому королю, чтобъ онъ въ 24 часа выѣхалъ изъ Петербурга. Король и безъ того собирался уѣхать и потому на всѣхъ станціяхъ до границы было уже приготовлено угощеніе Государь послалъ гоффурьера Крылова все

это снять. Крыловъ нашелъ шведскаго короля на первой станціи за столомъ—за ужиномъ. Когда онъ объявилъ волю Государя, то король разсмѣялся. Крыловъ объяснилъ, что прислугу онъ непремѣнно долженъ взять съ собою, но что онъ оставляетъ на всѣхъ станціяхъ провизію и запасы нетронутыми. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, то Государь спросилъ у него, какое дѣйствіе на короля произвело его распоряженіе. Крыловъ отвѣчалъ, что король глубоко огорчился такимъ его гнѣвомъ, но между тѣмъ признался, что онъ не вполнѣ исполнилъ приказаніе и что оставилъ всѣ запасы. „Это хорошо, отвѣчалъ Государь, — вѣдь не морить же его голодомъ.“ Въ другой разъ на такомъ же спектаклѣ одна изъ фрейлинъ разсмѣялась; ее тотчасъ выгнали изъ залы и велѣли выѣхать изъ Петербурга. Вѣроятно всѣмъ извѣстно, какъ Государь требовалъ, чтобы весь Синодъ присутствовалъ въ оперѣ и смотрѣлъ на м-мъ Шевалье, которая тогда занимала Государя; одинъ митрополитъ с.-петербургскій сказался по этому случаю больнымъ.

О семейной жизни императора Павла я умолчу. Фактъ слишкомъ грустный для памяти его и ангельской его супруги. Впрочемъ первые годы, еще во время царствованія Екатерины, прошли для супруговъ счастливо и мирно.

Въ послѣдній день жизни императора Павла отецъ мой ужиналъ у Государя и оставилъ его

въ 11 часовъ. Государь былъ веселъ, разговорчивъ и любезенъ; хвалилъ свой Михайловскій замокъ и сказалъ: „я нашелъ наконецъ себѣ тихое пристанище". Замѣчательно, что его собака, маленькій шпицъ, безпрестанно выла и вертѣлась около его ногъ, сколько онъ ни отгонялъ ее. Въ 1 часъ ночи разбудили моего отца, беззаботно спавшаго дома, и сказали ему, что у Государя сдѣлался апоплексическій ударъ. Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ комнаты полными нетрезвыхъ. Императрица Марія Ѳедоровна нѣсколько времени не довѣряла моему отцу, но послѣ узнавъ, сколько онъ оставался вѣренъ императору Павлу, просила у него прощенія и была къ нему очень милостиво расположена. Она была чужда всякаго властолюбія и все, что говорили о ея мнимомъ желаніи царствовать, совершенно ложно. Это я могу засвидѣтельствовать всѣми разсказами моего отца о ея жизни, о ея свойствахъ, и первыми словами, которыя она говорила тотчасъ по кончинѣ Павла. Послѣ первыхъ тревожныхъ дней, когда все успокоилось, отецъ мой сдѣлался какъ бы посредникомъ и примирителемъ всего царственнаго круга. Всѣ его любили, уважали, довѣряли ему; онъ пользовался общею любовью царственной семьи; самъ же онъ, въ свою очередь, былъ имъ полезенъ.

Государь Александръ Павловичъ спросилъ у моего отца, не хочетъ ли онъ быть генералъ-адъ-

ютантомъ, намекая въ то же время, что ему пріятнѣе будетъ, если онъ останется при его матушкѣ. Отецъ мой, уже отвыкшій отъ военной службы и преданный душею императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, легко на это согласился.

До сихъ поръ у насъ нѣтъ біографіи императрицы Маріи Ѳедоровны, исключая двухъ томовъ г-жи Оберкирхъ, гдѣ она описываетъ младенчество и молодость ея до пріѣзда въ Россію. А какъ желательно бы было оставить для потомства такой примѣръ всѣхъ добродѣтелей въ такомъ высокомъ званіи. Я постараюсь здѣсь представить многіе отдѣльные случаи, мнѣ извѣстные. Они могутъ послужить матеріаломъ для будущаго историка.

Хотя жизнь ея съ супругомъ, по нашимъ понятіямъ, была самая несчастная, но она любила его до конца. Мнѣ кажется, что это было скорѣе по правиламъ нравственности, нежели по естественному чувству,—трудно любить того, кто насъ не любитъ. По восшествіи на престолъ Александра Павловича, въ первые дни его царствованія, она старалась направить своихъ дѣтей и новаго Императора по тому пути, который казался ей лучшимъ, то-есть человѣколюбивымъ. Это не трудно было съ Александромъ Павловичемъ, потому что онъ самъ носилъ въ душѣ своей любовь къ человѣчеству; но не то было съ Константиномъ Павловичемъ. Однажды, въ самые первые дни новаго правленія, отецъ мой, пришедши по обыкно-

венію къ Императрицѣ, нашелъ ее въ сильномъ волненіи. За стуломъ ея стоялъ Государь, а предъ нею Константинъ Павловичъ, на котораго она гнѣвалась. Дѣло въ томъ, что онъ ударилъ дворянина палкой на ученьи. Императрица стала жаловаться моему отцу на своего сына, сказавъ: „Кажется, уже довольно учены? Теперь я требую, чтобы Константинъ училъ всегда свой полкъ въ присутствіи Сергѣя Ильича". Комиссія очень непріятная, но Государь показалъ знакомъ, чтобъ отецъ мой не противился. Батюшка поѣхалъ представиться Константину Павловичу въ его дворецъ. Великій Князь спросилъ его, какого онъ о немъ мнѣнія. Отецъ отвѣчалъ: „Я думаю, ваше высочество, что когда вы захотите сдѣлать хорошо, то никто лучше васъ не сдѣлаетъ, а когда вздумаете сдѣлать дурно, то никто не съумѣетъ сдѣлать хуже". — „Такое-то твое мнѣніе обо мнѣ; посмотримъ!" Чрезъ нѣсколько дней Константинъ Павловичъ прислалъ сказать, что онъ выводитъ свой полкъ на ученье. Батюшка выѣхалъ на плацъ-парадъ въ партикулярномъ платьѣ изъ переулка, какъ бы только въ числѣ зрителей. Вдругъ Великій Князь прискакалъ къ нему съ рапортомъ, что было вовсе неумѣстно. Онъ училъ прекрасно свой полкъ, послѣ ученья спѣшился и былъ любезенъ со всѣми офицерами. По окончаніи ученья мой отецъ явился къ нему и онъ спросилъ: „доволенъ ли ты мною, Сергѣй Ильичъ?" — „Ахъ, ваше высочество, еслибы вы всегда такъ дѣлали, то

какъ легко привязали бы къ себѣ сердца людей!“ Въ другой разъ та же церемонія, но тутъ Великій князь дѣлалъ все какъ можно хуже. Послѣ ученья онъ сказалъ моему отцу: „Вотъ я оправдалъ твое предсказаніе; поди жалуйся на меня матушкѣ“.

„Какъ мало вы меня знаете, отвѣчалъ отецъ,— если думаете, что я способенъ на сплетни. Одно только скажу вамъ, что съ этой минуты не хочу съ вами имѣть дѣло во всю мою жизнь.“ Но какъ отдѣлаться отъ комиссіи? Къ счастію, тогда была весна и Императрица должна была переѣхать въ Павловскъ; тогда отецъ мой сказалъ Императрицѣ, что ему трудно изъ Павловска ѣздить на ученье,—тѣмъ и отговорился отъ исполненія непріятной комиссіи.

Свойства Александра Павловича извѣстны; о недостаткахъ же его я умолчу. Восшествіе его на престолъ было всеобщимъ праздникомъ, уподобляющимся только Свѣтлому Воскресенію Христову: люди цѣловались на улицѣ и поздравляли другъ друга.

Похороны же императора Павла были очень печальны, но особенно тѣмъ, что никто не показывалъ никакого сожалѣнія объ его кончинѣ. Плакалъ только мой отецъ, помнившій его расположеніе къ себѣ, и еще одинъ, неизвѣстно почему, гренадеръ. По возвращеніи съ похоронъ императрица Марія Ѳедоровна спросила моего отца, какое впечатлѣніе на народъ сдѣлали эти похороны. Тутъ отецъ мой долженъ былъ одинъ

разъ въ жизни измѣнить правдѣ. Всѣхъ болѣе огорчалась этимъ равнодушіемъ великая княжна Марія Павловна, которая во время отпѣванія нѣсколько разъ падала безъ чувствъ.

Вдовствующая Императрица, по положенію, должна была получать 200.000 р. карманныхъ денегъ, но Государь просилъ ее принять милліонъ; изъ этого милліона она тратила на свои прихоти и туалетъ только 17.000. Все прочее раздавалось бѣднымъ, а прежде всего она составляла капиталъ на свои заведенія. Великимъ Князьямъ она имѣла привычку дарить по 10.000 р. на именины; но въ 1812 году она пріостановила на годъ свои подарки, представляя на видъ, что нужно помогать раненнымъ и сиротамъ. Она безпрестанно занималась дѣлами своихъ заведеній; ничто не могло отвлечь ее отъ этихъ занятій—ни путешествія, во время которыхъ она читала и писала въ каретѣ, ни сердечныя горести. Когда привезено было тѣло Александра Павловича въ Петербургъ, она и тутъ дѣлила свое время между молитвою у тѣла и своими занятіями; между тѣмъ императоръ Александръ былъ главнымъ предметомъ ея любви въ жизни. Дѣтей, воспитанныхъ въ ея заведеніяхъ, она никогда не покидала впослѣдствіи, а во всю жизнь имъ помогала, входила во всѣ подробности, до нихъ касавшіяся, и была истинною матерью для всѣхъ. Никто изъ служившихъ ей не умиралъ во дворцѣ иначе, какъ въ ея присутствіи. Она всѣхъ

утѣшала до конца и всегда закрывала глаза умиравшимъ. Однажды сказали ей врачи, что, жившая на Васильевскомъ островѣ, отставная ея камеръ-юнгфера страдаетъ сильно отъ рака въ груди, что можно было бы ее спасти, но она не соглашается на операцію иначе, какъ если во время производства ея будетъ находиться сама Императрица.—„Ну что же? сказала она,—если только отъ этого зависитъ ея выздоровленіе, то я исполню ея желаніе.“ Она поѣхала къ ней и во все время операціи держала ей голову.

Она входила въ малѣйшія подробности по своимъ заведеніямъ и не только слѣдила за воспитаніемъ дѣтей, но и не забывала посылать имъ лакомствъ и доставлять всякія удовольствія. Одинъ мальчикъ принужденъ былъ долго лежать въ постели по болѣзни; она доставляла ему рисунки, карандаши и разныя вещицы. Со всякимъ курьеромъ ей доносили о состояніи его здоровья,—она тогда была въ Москвѣ. При назначеніи почетныхъ опекуновъ выборъ былъ самый строгій; съ каждымъ изъ нихъ она переписывалась сама еженедѣльно, освѣдомлялась о воспитанникахъ и воспитанницахъ, о ихъ поведеніи и здоровьѣ, и всегда давала мудрые и человѣколюбивые совѣты. Директрисы учебныхъ заведеній были въ большомъ почетѣ, имѣли голосъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и не играли роли старшихъ классныхъ дамъ и угодницъ почетныхъ опекуновъ. Это происходило отъ того, что онѣ имѣли, кажется,

право переписываться съ Государынею и представлять ей о нуждахъ заведеній. По крайней мѣрѣ такимъ правомъ пользовалась г-жа Цеймернъ. Всѣ воспитанницы института при Воспитательномъ Домѣ во всю жизнь пользовались покровительствомъ дома, ихъ воспитавшаго, и могли возвращаться туда, когда были недовольны своими мѣстами въ частныхъ домахъ. Все было придумано нѣжнымъ сердцемъ для пользы, радости и покоя всѣхъ отъ нея зависящихъ. Это было не сухое, безжизненное покровительство, но материнское попеченіе. За то пріѣздъ ея въ институтъ былъ настоящимъ праздникомъ. „Maman, maman! Mütterchen!“ слышалось отвсюду. Бывало за большимъ обѣдомъ она приказывала снимать десертъ и отсылать его въ который-нибудь институтъ по-очередно. А какъ просила она въ своемъ духовномъ завѣщаніи опекуновъ помнить, что первымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій должно быть благодѣяніе! Особеннымъ вниманіемъ ея пользовались покинутые своими матерями младенцы. Однажды отецъ мой, почти всегда ее сопровождавшій при посѣщеніяхъ ею заведеній выразилъ удивленіе, что она такъ нѣжно цѣловала маленькіе члены этихъ несчастныхъ, осматривала бѣлье на кормилицахъ и проч. „Ахъ! отвѣчала она, — всѣ эти брошенные дѣти теперь мои и во мнѣ должны находить попеченіе, котораго они лишены.“

Въ послѣдніе годы ея жизни, Государь, найдя Обуховскую больницу умалишенныхъ въ самомъ жалкомъ видѣ, просилъ императрицу Марію Ѳеодоровну принять ее подъ свое покровительство, что она и исполнила съ радостію, и многіе изъ помѣщенныхъ тамъ больныхъ выздоровѣли, благодаря кроткому съ ними обхожденію. Она вступала въ ихъ кругъ, давала цѣловать имъ свою руку, что не мало пугало моего отца, — и они называли ее „благодѣтельная мадамъ". Она придумала устроить для нихъ загородный домъ, гдѣ бы каждый имѣлъ свой садикъ. Все это изобрѣтала сама, а мало заимствовала изъ теорій, хотя со вниманіемъ выслушивала и читала ихъ. Одинъ только упрекъ можно сдѣлать памяти Маріи Ѳеодоровны, что она уже слишкомъ много любила все нѣмецкое и много призвала нѣмцевъ въ Россію; но это происходило отъ ея любящаго сердца, не могшаго оторваться отъ раннихъ привязанностей. Государственныхъ общихъ взглядовъ она не имѣла, да и кто въ то время зналъ Россію?... И мы всѣ знали ее только изъ иностранныхъ книгъ. Благодаря обществу такъ называемыхъ славянофиловъ, мы много узнали о своемъ народѣ и начали его любить какъ слѣдуетъ, а потомъ великое дѣло освобожденія крестьянъ довершило наше воспитаніе. Съ этихъ поръ становится стыдно не любить Россію...

Преданная исполненію семейныхъ своихъ обязанностей и необыкновенно заботливо слѣдившая за воспитаніемъ дѣтей своихъ (кромѣ двухъ старшихъ, которыми занималась сама Екатерина), Императрица Марія Ѳедоровна не вмѣшивалась въ дѣла государственнаго управленія; но во внѣшней политикѣ она умѣла поддерживать достоинство Россіи. Наполеонъ сказалъ, что изъ всѣхъ коронованныхъ особъ въ Европѣ она одна предъ нимъ не преклонялась. Его попытки вступить въ родство съ Русскимъ царственнымъ домомъ были отвергаемы Императрицею Маріею Ѳедоровною (извѣстно, что онъ сватался за Екатерину Павловну и потомъ, еще настойчивѣе, за младшую сестру ея, Анну Павловну). Въ 1808 году, когда Государь поѣхалъ на свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртъ, она была этимъ очень недовольна. Ей казалось, что чрезъ это Государь унижалъ достоинство Россіи. Въ духовномъ своемъ завѣщаніи она называетъ Россію— милою нашею Россіей и желаетъ ей много хорошаго.

Въ частности же она любила всѣхъ. Когда она посѣтила Ростовъ, то народъ былъ до того обрадованъ ея пріѣздомъ, что женщины разстилали свои шелковыя фаты въ грязь и просили ее стать на нихъ. Одна женщина подошла къ каретѣ ея. „Матушка! начала она, — у меня къ тебѣ просьба.“ — „Что такое, милая?“ — „Мой сынокъ слу-

житъ у твоего въ гвардіи рядовымъ,—поклонись ему отъ меня и скажи ему, что я посылаю ему мое благословеніе, и вотъ рубликъ гостинца отвези ему.“ — „Непремѣнно, непремѣнно все исполню.“ Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, она послала за солдатомъ, передала ему благословеніе и рубль отъ матушки, похвалила его за то, что онъ добрый сынъ, и прибавила къ гостинцу своихъ 25 рублей.

Пріятно было всегда свиданіе съ нею, потому что благосклонность постоянно сіяла на ея лицѣ. Особенно она любила встрѣчу съ дѣтьми и бывало намъ трудно было укрыться отъ ея глазъ; всегда ласкала она насъ, особенно, конечно, по расположенію къ нашему отцу. Когда настала вторая Турецкая война, она пріѣзжала въ институтъ, въ Смольный монастырь и собирала тамъ письма воспитанницъ, чтобы съ курьеромъ вѣрнѣе доставлять къ ихъ роднымъ. А когда пала Варна подъ оружіемъ Русскихъ, она, возвращаясь изъ Казанскаго собора, гдѣ благодарила Бога за побѣду, простудилась и занемогла своею послѣдней, смертельною болѣзнью.

Я сказала только вообще о ея добродѣтеляхъ; но кто можетъ исчислить добрыя дѣла той, которой всякая минута дня была имъ посвящена? Вечеромъ у нея всегда собиралось избранное общество. Она садилась за работу, и кто-нибудь читалъ лучшіе романы того времени. Тутъ она час-

то разсказывала о многомъ ею видѣнномъ и слышанномъ. Поутру вставала она въ 7 часовъ, а лѣтомъ въ 6 часовъ, сбливалась холодною водой съ головы до ногъ и послѣ молитвы садилась за свой кофе, который пила всегда очень крѣпкій, а потомъ тотчасъ занималась бумагами. Она пользовалась крѣпкимъ здоровьемъ, любила прохладу,—окна были постоянно открыты. Не зная усталости и болѣзней, ожидала того же и отъ другихъ, что возбуждало ропотъ. Въ пріемныхъ и на большихъ представленіяхъ она удивительно умѣла всякому сказать что-нибудь ему по сердцу и признавалась моему отцу, что умѣнью обходиться съ людьми она выучилась у императрицы Екатерины. Дочери ея также были привѣтливы безъ фамиліарства и не было во всемъ мірѣ принцессъ милѣе и любезнѣе. Императрица и Великія Княжны безъ устали и лѣни всѣхъ принимали и со всѣми бесѣдовали. Императоръ Наполеонъ сватался за великую княжну Екатерину Павловну. Тогда нашимъ посломъ въ Парижѣ былъ графъ Петръ Александровичъ Толстой. Не помню, кто изъ приближенныхъ Наполеона (кажется, Коленкуръ) сталъ объ этомъ говорить графу; тотъ отвѣчалъ, по повелѣнію Государя, что это зависитъ не отъ него, а отъ матушки, которая располагаетъ судьбою своихъ дочерей, а она не соглашается на этотъ бракъ. Когда спрашивали, почему? онъ отвѣчалъ: „не заставляйте меня говорить то, что мнѣ непріятно сказать, а вамъ не-

пріятно слышать". А Великая Княжна сказала моему отцу: „я скорѣе пойду замужъ за послѣдняго русскаго истопника, чѣмъ за этого корсиканца". Вскорѣ послѣ этого Екатерина Павловна вышла за принца Ольденбургскаго, своего двоюроднаго брата, а впослѣдствіи за короля Виртенбергскаго—своего и мужа двоюроднаго брата. Кончина ея весьма загадочна. Едва Императрица-матушка оставила ее цвѣтущею здоровьемъ, какъ она, садясь въ ванну, почувствовала себя дурно и кончила жизнь безъ всякой предшествовавшей болѣзни. Этого обстоятельства никогда не могли объяснить врачи.

Когда сыновья Маріи Θедоровны стали подростать, она кромѣ осени, проводимой, по обыкновенію, въ Гатчинѣ, оставалась тамъ двѣ зимы, находя, что такое уединеніе способствовало воспитанію Великихъ Князей. Я живо помню это время. Оно было очень пріятно для насъ, дѣтей. Тамъ находился упраздненный арсеналъ, который раздѣлялся какъ бы на нѣсколько пріемныхъ залъ. Въ одной части была гора для катанья, а въ другой были собраны музыкальные инструменты; въ остальныхъ находились разныя игры—билліарды, фортунки и пр. Тутъ же находился и театръ. Бывало мы бѣжимъ туда съ радостію послѣ своихъ уроковъ,—бѣжимъ, чтобы покататься на горѣ то на ногахъ, то на сукнѣ, то въ телѣжкѣ. Тутъ же происходили разные сюрпризы для Императрицы, которые она очень любила. То мы, дѣти,

всѣ костюмированные, составляемъ группу, то игралась всего чаще французская пьеса на театрѣ, то составлялась ярмарка, гдѣ, конечно, доставалось намъ много игрушекъ и конфектъ. Такъ проходило время въ этой резиденціи, и угрюмый Гатчинскій дворецъ, построенный братьями Орловыми, въ подражаніе феодальныхъ замковъ, съ подъемными мостами и тайными переходами, и подаренный Екатериною своему сыну,—оживлялся любезностію его обитателей. На мое воображеніе дѣйствовала пріятно эта величавая угрюмость, безпрестанные оклики часовыхъ и проч. Все оставалось какъ при Павлѣ, не было только страшнаго владыки этихъ мѣстъ, довольно богатыхъ природными красотами, особенно озеромъ и звѣринцемъ съ оленями.

Въ Павловскѣ императрица Марія Өедоровна ежедневно утромъ часа два ходила пѣшкомъ, послѣ того, какъ оставила верховую ѣзду. Послѣ обѣда она любила кататься на линейкѣ, вмѣщавшей персонъ восемь; за этою линейкой слѣдовали другія со свитою. Поѣздъ отправлялся куда-нибудь въ павильонъ, чаще всего розовый, гдѣ выходили для чая или вечерняго собранія. Почти ежедневно обѣдали или пили чай то на галлереѣ, то въ какомъ-нибудь павильонѣ, то на фермѣ. Эти безпрестанные разъѣзды очень тяготили прислугу и отчасти свиту. Всюду нужно было привозить лишнюю мебель, кастрюли и всѣ припасы, требуемые роскошнымъ столомъ. Тогда много на это роп-

тали, но теперь мнѣ кажется, что это было понапрасну. Всѣ были заняты работой, а для прислуги это не худо. Только для образованныхъ людей досугъ очень нуженъ, потому что они умѣютъ его наполнять благородными занятіями.—Лѣтъ десять тому назадъ, я посѣтила эти мѣста, партеръ заглохъ и розановъ не было; но все оставалось въ прежнемъ видѣ внутри розоваго павильона. Извѣстный мнѣ альбомъ лежалъ на томъ же столикѣ. Въ немъ писали Жуковскій и Крыловъ. Грустно видѣть опустѣлыми мѣста, прежде столь дорогія, оживленныя присутствіемъ дорогихъ и милыхъ сердцу людей.

Марія Ѳедоровна жила хорошо съ своимъ мужемъ и тогда, когда онъ сталъ заниматься Екатериною Ивановною Нелидовой. Марія Ѳедоровна въ горести сердца своего жаловалась императрицѣ Екатеринѣ II. Та вмѣсто отвѣта подвела ее къ зеркалу, сказавъ: „посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre,—перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ“. И въ самомъ дѣлѣ, скоро сама Марія Ѳедоровна увѣрилась, что въ этой предполагаемой связи было только очарованіе умомъ Екатерины Ивановны, въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнымъ. Она сдѣлалась ея другомъ и такой оставалась до конца жизни Императрицы. Скоро послѣ восшествія на престолъ Павелъ пріѣхалъ въ Москву. Я уже говорила о балѣ, данномъ ему въ собраніи. На этомъ балѣ дѣвица Лопухина объяснила Государю свою лю-

бовь къ нему. Государь былъ пораженъ этою выходкой и писалъ о ней въ Петербургъ въ шутливомъ тонѣ, выражая свое негодованіе противъ наглости московскихъ дѣвицъ. Въ день, когда ожидали его пріѣзда въ Петербургъ, Марія Ѳедоровна и Екатерина Ивановна Нелидова выѣхали къ нему на встрѣчу. Каково было удивленіе ихъ, когда онъ обошелся съ ними холодно, а о дѣвицѣ Лопухиной отзывался уже совсѣмъ иначе. „Тутъ, разсказывала Императрица,—мы узнали свою бѣду.“ Вскорѣ Лопухина съ своимъ отцомъ пріѣхала въ Петербургъ и заняла свое мѣсто при Дворѣ.

Императрица была очень милостива къ своей прислугѣ и даже баловала ее. Однажды батюшка, пришедши къ ней, нашелъ ее не въ духѣ; она упрекала его за то, что онъ не далъ наканунѣ экипажа ея камеръ-юнгферѣ. — „У нихъ, говорила она,—были родные изъ дальней губерніи, которые желали видѣть мое Павловское.“—„Повѣрьте, ваше величество, отвѣчалъ отецъ,—никакихъ родныхъ не было; это все ложь и только напрасно васъ безпокоятъ.“—„Ну поди, поди, помирись съ ними.“—Онъ долженъ былъ поцѣловать ручки у нихъ, а онѣ, смѣясь, признались, что никакихъ родныхъ у нихъ не было. Въ другой разъ батюшка, пришедши, увидалъ камердинера Императрицы въ слезахъ. Онъ спросилъ его о причинѣ огорченія; тотъ отвѣчалъ, что Императрица на него разгнѣвалась за кофе, который ей показался кислымъ. Батюшка, вошедши къ Императрицѣ, ска-

залъ ей о слезахъ камердинера. „Позови его ко мнѣ,“ отвѣчала она. — „Прости меня, говорила она камердинеру, — за мою вспыльчивость. Ты знаешь, какъ нѣмки любятъ кофе: ничѣмъ нельзя ихъ разсердить больше, какъ сдѣлать кофе не по вкусу.“

Разъ Императрица сказала моему отцу: „ты, мой другъ, хочешь ли называться моимъ другомъ?“ Онъ отвѣчалъ: „я не могу быть вашимъ другомъ, также какъ и вы моимъ. Дружба требуетъ равенства и взаимности услугъ, а я не могу отъ васъ требовать того, что требовалъ бы отъ друга.“ Другой разъ батюшка привезъ ей много цвѣтовъ и поставилъ ихъ у входа ея кабинета. Она всплеснула отъ радости руками и спросила, кто привезъ ей цвѣты. Когда она узнала, что цвѣты доставилъ Сергѣй Ильичъ, то сказала ему: „благодарю тебя за твой прекрасный подарокъ“. — „Это не подарокъ, отвѣчалъ отецъ: — я прошу васъ заплатить за это деньги.“ — „Ахъ! подари мнѣ эти цвѣты, — скажи, что даришь мнѣ ихъ!“ — „Нѣтъ, отвѣчалъ отецъ, — я не подарю ихъ и никогда ничѣмъ не буду дарить васъ.“ — „Какая причина твоего упрямства?“ спросила Императрица. — „Да та, что вы богаче меня, и я не хочу, чтобы вы за мои подарки платили мнѣ вдвое.“ Такъ всегда прямо и откровенно объяснялся мой отецъ и за то былъ уважаемъ всѣми.

Съ молодыми Великими Князьями онъ обходился какъ съ дѣтьми, выросшими на его глазахъ, и

журилъ ихъ, когда они того заслуживали. Разъ, въ кабинетѣ Императрицы въ Москвѣ, они отзывались съ насмѣшкой о московскихъ экипажахъ. Отецъ мой сказалъ имъ: „какъ грустно слышать это изъ устъ вашихъ; вы бы должны были съ почтеніемъ смотрѣть на эти старыя колымаги: онѣ отъ того еще существуютъ въ Москвѣ, что родители употребляютъ свои послѣднія деньги для содержанія вашей гвардіи.“—„Спасибо тебѣ, Сергѣй Ильичъ,—всегда такъ вразумляй ихъ, я прошу тебя,“ сказала Императрица.

Когда, въ четырнадцатомъ году, императрица Елизавета Алексѣевна ѣздила за границу и ей нужны были экипажи, то отецъ мой призвалъ подрядчиковъ и согласилъ ихъ всѣхъ поставить экипажи по своей цѣнѣ, говоря имъ, что Россія потерпѣла большіе убытки и въ казнѣ оставалось мало денегъ, обѣщая имъ впрочемъ, что все будетъ заплачено тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы царственныхъ лицъ. Они возвратились, но министръ Гурьевъ отказался платить, говоря, что онъ дѣйствуетъ по волѣ Государя. Отецъ мой сказалъ ему, что онъ сдержитъ свое слово, или выйдетъ въ отставку. Еще имъ дорожили и потому деньги были выданы немедленно. Но лѣтъ черезъ 5 настало время и онъ долженъ былъ удалиться.

Отецъ мой все время своей службы старался улучшить коннозаводство, выписывая жеребцовъ изъ Англіи и поощряя частныхъ заводчиковъ.

Онъ даже посылалъ агентовъ въ Аравію, гдѣ украдкой отъ племени покупались лошади и выводились съ опасностію для жизни.

Порода кровныхъ лошадей сдѣлалась отличною. Но вдругъ нѣкоторымъ незнающимъ дѣла людямъ вздумалось это разрушить. Стали говорить, что для насъ кровныхъ лошадей не надобно, что нужно заводить болѣе простыхъ лошадей, что заводы стоютъ дорого и проч. Былъ составленъ комитетъ; въ этомъ комитетѣ сидѣли: Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, Левашевъ и Козенцъ, и рѣшили преобразовать коннозаводство, уничтожить кровныя породы и развести простыя. Но, чтобъ исполнить это пагубное для коннозаводства намѣреніе, нужно было удалить моего отца.

Странное намѣреніе! Что лучше кровныхъ лошадей можетъ быть для кавалеристовъ? Вскорѣ послѣ выхода въ отставку моего отца началось дѣло разрушенія. Лошадей распродали, заводы уничтожили. Конечно, польза отъ батюшкиныхъ трудовъ все-таки осталась: охотники воспользовались этимъ случаемъ для своихъ частныхъ заводовъ.

Съ чего началось гоненіе на него, я сама не знаю; можетъ-быть его прямой и откровенный характеръ былъ тому причиною, или другія обстоятельства, — мнѣ неизвѣстно. Но предлогъ былъ слѣдующій: чтобы наполнить казну, выдумали стѣснить, ограбить откупщиковъ, и вышло повелѣніе Государя, чтобы взыскать вдругъ все, что они должны казнѣ, и не платить тѣхъ денегъ, которыя

имъ была должна казна. Петербургскимъ и вмѣстѣ новгородскимъ откупщикомъ былъ Перецъ; онъ имѣлъ претензію на казну въ 2 милліона, а ей долженъ былъ одинъ милліонъ. Повелѣно было взыскать этотъ милліонъ. Разумѣется, его откупъ лопнулъ и имѣніе залогодателей должно было поступить въ продажу съ публичнаго торга.

Указъ былъ написанъ такъ, что всѣ недоимки должны быть взысканы безъ всякихъ отговорокъ; такимъ образомъ и всѣ казенные крестьяне, разоренные уже войною, подлежали тому же. Моего отца не такъ сильно огорчали свои дѣла,— такъ какъ его имѣніе тоже было въ залогѣ по откупу,—какъ положеніе казенныхъ крестьянъ, особенно тѣхъ, которые были приписаны къ конюшенной командѣ. Онъ пошелъ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и сказалъ ей: „Я пришелъ просить васъ не о себѣ, хотя я разоренъ совершенно,—мое имѣніе было въ залогѣ у Переца, но дѣти мои не умрутъ съ голода,—Государь ихъ не оставитъ. Вы же подите къ своему брату и просите его, чтобы крестьяне были изъяты отъ послѣдствій такого указа." Ходатайство моего отца имѣло силу: послѣдовало разъясненіе, въ которомъ было сказано, что этотъ указъ не касается крестьянъ. Перецъ, не имѣя на то права, не сказавши ни слова моему отцу, перезаложилъ имѣніе наше изъ Петербургскаго откупа въ Новгородскій, который еще удержался. Тогда залогодатели этого откупа предложили батюшкѣ взять

вмѣстѣ съ ними откупъ на имя одного изъ нихъ, Татищева, на оставшіеся два года. Батюшка, чтобы сохранить свое имѣніе, согласился. Тотчасъ представили это въ другомъ видѣ Государю, который сказалъ, что неприлично его оберъ-шталмейстеру быть откупщикомъ, не размысливъ, что само правительство было тогда первымъ откупщикомъ въ Россіи. Какъ скоро враги моего отца поняли, что Государь недоволенъ имъ, они стали разнымъ образомъ клеветать на него и, что всего ужаснѣе, подкупали кучера, любимаго Государемъ, извѣстнаго Илью, чтобъ онъ разсказывалъ Государю небылицы.

Много лѣтъ послѣ этого, будучи на смертномъ одрѣ, Илья писалъ въ Москву и просилъ прощенія у батюшки, объясняя, что онъ не можетъ умереть спокойно, если батюшка не проститъ ему за клевету. Всего болѣе огорчало моего отца то обстоятельство, что въ заговорѣ противъ него были нѣкоторые изъ сослуживцевъ по конной гвардіи, которыхъ онъ лелѣялъ, какъ дѣтей. Четыре мѣсяца мучили его разными непріятными бумагами и не отпускали въ отставку. Почти всѣ эти бумаги писаны княземъ Петромъ Михайловичемъ Волхонскимъ, который разъ, пріѣхавши съ визитомъ къ батюшкѣ, сказалъ ему: „Вы не сѣтуйте на меня, Сергѣй Ильичъ, —я исполняю только волю Государя“. Отецъ мой отвѣчалъ: „конечно, всякую волю царскую мы обязаны исполнить; даже еслибы Государь сказалъ мнѣ:

повѣсь Петра Михайловича Волхонскаго на осинѣ, я сейчасъ бы это исполнилъ". Наконецъ рѣшилась судьба моего отца. Онъ получилъ давно ожидаемое имъ съ нетерпѣніемъ увольненіе, съ пенсіономъ въ 10.000 рублей ассигнаціями и съ дозволеніемъ взять сколько ему угодно экипажей и придворной прислуги, такъ какъ онъ долженъ былъ считаться только въ безсрочномъ отпуску. Онъ взялъ только одну старую четверо-мѣстную карету и одного человѣка, который всегда и оставался при немъ въ придворной ливреѣ. На послѣдней прощальной аудіенціи Государь сказалъ ему: „Останься съ нами, я прошу тебя; ты останешься при матушкѣ, а я тебѣ дамъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ и аренду". Отецъ мой отвѣчалъ: „мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ я принять не могу, потому что не приготовленъ къ гражданскимъ дѣламъ; что же касается до аренды, то давно ли вы считаете меня продажнымъ?"— „Какъ продажнымъ?" сказалъ Государь. Отецъ отвѣтилъ: „что скажутъ обо мнѣ въ обществѣ, если послѣ столькихъ непріятностей, принявъ отъ васъ аренду, я останусь при Дворѣ?"—„Тебѣ, кажется, общественное мнѣніе дороже моего расположенія."—„Признаюсь, ваше величество, что вы не ошибаетесь. Милость ваша, какъ я испыталъ на себѣ, измѣнчива, а хорошее мнѣніе о себѣ въ обществѣ я надѣюсь сохранить до конца моей жизни."—„Ну, полно же, сказалъ Государь, обнявъ его,—разстанемся друзьями. Если

ты хочешь, или что нужно будетъ,—всегда можешь писать ко мнѣ; а ты будешь исполнять мои комиссіи въ Москвѣ по покупкѣ лошадей.“ Тѣмъ и кончилось послѣднее свиданіе. Отецъ мой всегда съ чувствомъ говорилъ о немъ, удивляясь благодушію Государя, который, безъ малѣйшаго знака гнѣва, могъ выслушать такія слова отъ подданнаго.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, когда наступило время свадьбы великаго князя Михаила Павловича, Государь, бывши въ Москвѣ, звалъ моего отца на свадьбу, былъ съ нимъ очень ласковъ и подарилъ третьей сестрѣ моей, Елизаветѣ Сергѣевнѣ, шифръ; вторая получила его уже прежде. Потомъ, когда Михаилъ Павловичъ пріѣзжалъ въ Москву пить минеральныя воды, отецъ мой нарочно пріѣхалъ изъ деревни, чтобы видѣться съ нимъ. Тронутый этимъ вниманіемъ, Великій Князь пригласилъ его къ себѣ обѣдать каждый день и переводилъ ему самъ французскія газеты. Тогда была французская революція и Карлъ X былъ изгнанъ изъ Франціи. Въ разговорахъ Великій Князь спросилъ моего отца, какого онъ мнѣнія объ этой революціи. Отецъ мой отвѣчалъ, что находитъ совершенно законною, такъ какъ Карлъ X нарушилъ всѣ постановленія конституціи, сохранять которыя онъ былъ обязанъ по данной имъ присягѣ; если простой преступникъ преслѣдуется закономъ, то что можно сказать о царѣ-клятвопреступникѣ?—„Такъто ты разсуждаешь, сказалъ Великій Князь,—чего

же послѣ этого ожидать отъ молодыхъ?“ Однако онъ на него не прогнѣвался и продолжалъ дружескія съ нимъ отношенія. Изъ этого можно видѣть, сколько мой отецъ опередилъ свой вѣкъ и что не напрасно прошли для него эти годы.

II.

Въ 1812 году императрица Марія Өедоровна призвала моего отца и сказала ему: „Непріятель идетъ въ Петербургъ, и мы всѣ уѣзжаемъ въ Архангельскъ; тебѣ некогда будетъ думать о своемъ семействѣ,—ты долженъ быть при мнѣ. У тебя братья въ Москвѣ; отправляй свое семейство въ Москву сейчасъ же,—всякая минута дорога“. Батюшка, возвратясь изъ дворца, тотчасъ же началъ принуждать матушку собираться въ путь. „Помилуй, мой другъ, говорила матушка,—бѣдные дѣти въ сыпи.“—„Еслибъ это была даже корь,—должны ѣхать.“ Въ нѣсколько часовъ мы собрались, приказавъ всѣ цѣнныя вещи въ домѣ собрать и отправить за нами въ Москву. Батюшка остался безъ денегъ съ серебрянымъ туалетомъ матушки и съ серебряными блюдами. Все это, по отъѣздѣ нашемъ, тотчасъ было послано на монетный дворъ и превращено въ рубли. Итакъ, мы отправились спасаться отъ непріятеля въ Москву. Тутъ застали мы своихъ дядей, всѣхъ встревоженныхъ

слухами о приближеніи непріятеля. Надобно было собираться въ путь, — но куда? Батюшка писалъ, чтобы мы ѣхали въ Ярославль, что для насъ тамъ приготовлена квартира и что тамъ будетъ великая княгиня Екатерина Павловна, и потому слухи будутъ вѣрнѣе и письма будутъ приходить съ большею точностію. Но въ Москвѣ ходили слухи о неимовѣрности дороговизны припасовъ въ Ярославлѣ, что впослѣдствіи оказалось ложнымъ. А такъ какъ старшій братъ моего отпа, пользовавшійся въ семействѣ авторитетомъ и бывшій тогда сенаторомъ, ѣхалъ въ Казань съ Сенатомъ, то уговорилъ и матушку ѣхать вмѣстѣ до Нижняго-Новгорода. Къ счастію, въ Москвѣ находился приверженецъ батюшки, Абрамовъ, одинъ изъ смотрителей конныхъ заводовъ. Онъ и дядя Александръ Ильичъ снарядили матушку и купили хорошихъ лошадей; Абрамовъ при этомъ отдалъ всѣ свои деньги, что было величайшимъ самоотверженіемъ. Мы переѣхали сначала въ село Успенское, гдѣ должны были взять съ собою дядю Ивана Ильича съ семействомъ, который ѣхалъ въ свою нижегородскую деревню. Можно себѣ вообразить, каковъ былъ нашъ поѣздъ: три семейства многочисленныя, съ прислугою еще болѣе многочисленною, и всѣ на своихъ лошадяхъ. Одинъ изъ дядей былъ очень медлителенъ, другой—необыкновенно скоръ; бѣдная матушка должна была сообразоваться и съ тѣмъ и съ другимъ. Наконецъ мы дотащились до Владиміра; здѣсь губернаторъ Супоневъ уговари-

валъ матушку остаться, увѣряя ее, что онъ препроводитъ ее вмѣстѣ съ женою, какъ только будутъ вѣрные слухи о непріятелѣ. Рѣшились на общій счетъ послать въ Москву находившагося при матушкѣ казеннаго человѣка, ѣздоваго, добыть точныхъ свѣдѣній. Онъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что народъ разбиваетъ кабаки и что непріятель близко къ Москвѣ. Не слушая Супонева, матушка рѣшилась ѣхать далѣе, увѣренная, что послѣдній ничего не сдѣлаетъ изъ обѣщаннаго, и, кажется, она не ошиблась, потому что онъ не исполнилъ даже ея просьбы—пересылать аккуратно ея письма. Они всѣ залежались во Владимірѣ и матушка два мѣсяца не имѣла извѣстій отъ отца, чего не могло бы быть въ Ярославлѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ съѣхалось множество семействъ изъ Москвы. Къ обѣднѣ ѣздили всѣ въ дѣвичій монастырь, прекрасно устроенный бывшею тогда игуменьею. Хотя была я маленькою дѣвочкой, но помню, какое ужасное впечатлѣніе сдѣлало извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы, сказанное въ церкви госпожею Хвостовой.

Тутъ мнѣ должно разсказать два случая; одинъ —относящійся къ чести собственныхъ нашихъ крестьянъ. Изъ недавно купленной деревни матушка потребовала 5.000 рублей оброка, который немедленно былъ присланъ. Второй случай еще лучше обрисовываетъ характеръ нашего народа. Дядя мой Иванъ Ильичъ, посѣтившій въ первый разъ свою нижегородскую деревню, былъ принятъ какъ

давно желанный гость; ему отвели нѣсколько избъ и безпрестанно давали для него обѣды. Крестьяне приходили просить: „пожалуйте намъ вашего кухара“ и чтобы Францъ Иванычъ былъ за обѣдомъ. Этотъ Францъ Иванычъ былъ французскій аббатъ, который боялся русскаго народа въ это время; но крестьяне были съ нимъ очень ласковы и разсѣяли его страхъ. Съ своихъ обѣдовъ крестьяне не отпускали гостей съ пустыми руками и дарили ихъ полотнами. Такъ поступали они и съ семействомъ дяди Дмитрія Ильича, укрывшагося въ той же деревнѣ у брата. Когда же дядя Иванъ Ильичъ уѣзжалъ изъ деревни, они бросили ему въ карету 500 руб. Дядя, разумѣется, не хотѣлъ ихъ брать, но они такъ неотступно умоляли его, что онъ рѣшился ихъ взять, говоря, что онъ зачтетъ эти деньги за оброкъ. „Нѣтъ, нѣтъ, говорили они,—не считай ихъ; это нашъ подарокъ. Ты пріѣхалъ къ намъ не на радость, а дѣлить съ нами горе; за то и мы хотимъ подѣлиться съ тобою нашими достатками.“

Въ Нижнемъ мы жили около двухъ мѣсяцевъ и не имѣли отъ отца никакихъ извѣстій, что очень насъ тревожило; наконецъ является посланный отъ него съ приглашеніемъ возвратиться въ Петербургъ. Надобно было ѣхать на Угличъ и Бѣжецкъ по дорогѣ вновь проложенной и выѣхать на Петербургскую дорогу. Морозы были тогда страшные, до тридцати градусовъ, и такъ какъ ни люди, ни лошади не были пріучены къ каретной ѣздѣ, то мы ѣхали по 25 верстъ въ день.

Приближаясь къ Петербургу, мы встрѣтили одного ямщика, который, подойдя къ каретѣ, сказалъ матушкѣ: „Сергѣй Ильичъ приказалъ вамъ долго жить“,—и что онъ былъ при его похоронахъ. Къ счастію, матушка была обдумчива; она спросила, въ который день это было, и сообразила, что она имѣла письмо батюшки позднѣе сказаннаго числа; но все-таки съ встревоженнымъ чувствомъ мы ѣхали до Петербурга.

По пріѣздѣ узнали, что батюшка во дворцѣ. Скоро онъ возвратился и радость свиданія была неописанная.

III.

1825 года, 14-го декабря, назначена была присяга новому императору Николаю Павловичу. Батюшка поѣхалъ во дворецъ, не зная ничего о происходившемъ. Дворецъ былъ полонъ пріѣхавшихъ къ присягѣ. Отецъ мой подошелъ къ окну комнаты предъ кабинетомъ, гдѣ стоялъ Николай Михайловичъ Карамзинъ, и тутъ увидѣлъ, что Государь стоитъ въ воротахъ и читаетъ манифестъ войску. Онъ спросилъ у Карамзина, что это значитъ. Тотъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Скоро въ эту комнату вошла императрица Марія Ѳедоровна, держа за руку Наслѣдника престола, нынѣшняго Государя, и въ сопровожденіи императрицы Александры Ѳедоровны. „Слѣдуй за нами, Сергѣй Ильичъ", сказала она моему отцу.

Здѣсь я должна исправить ошибку, вкравшуюся въ запискѣ графа Комаровскаго (напечатанной въ „Архивѣ"), который говоритъ, что Карамзинъ былъ въ это время одинъ въ кабинетѣ съ императорскою фамиліей. Я полагаю, что ошибка

гр. Комаровскаго произошла отъ того, что отецъ мой имѣлъ сходство съ Карамзинымъ въ ростѣ. И онъ, и отецъ мой неоднократно входили въ ту комнату, гдѣ находились обѣ Императрицы съ Государемъ Наслѣдникомъ. Въ кабинетѣ, куда удалилась Императрица съ семействомъ, остался съ ними только мой отецъ и генералъ Мёрдеръ, воспитатель Великаго Князя. Сначала императрица Александра Ѳедоровна была очень разстроена и очень много плакала. Вдовствующая Императрица утѣшала ее, какъ могла. Время длилось, было уже поздно. Государю Наслѣднику захотѣлось кушать, и онъ началъ жаловаться на голодъ. Батюшка принесъ ему съ кухни котлетку, усадилъ его за столъ, снялъ съ него гусарскій ментикъ и хотѣлъ взять съ него саблю, чтобъ ему было покойнѣе сидѣть; но онъ ударилъ по эфесу и сказалъ: „этого я никому не отдамъ". Между тѣмъ приходили разные вѣстники съ площади. Наконецъ явился посланный отъ Государя объявить императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, что, истощивъ всѣ средства кротости и убѣжденія, онъ долженъ будетъ приказать палить изъ пушекъ, но что онъ надѣется, что достаточно будетъ одного или двухъ выстрѣловъ. Это такъ ее поразило, что батюшка думалъ, что съ нею сдѣлается апоплексическій ударъ. Она всплеснула руками и вскричала: „Боже мой, до чего я дожила! Сынъ мой входитъ съ пушками на престолъ!" Тутъ уже императрица Александра Ѳедоровна

стала за нею ухаживать. Между тѣмъ Наслѣдникъ,—ему было тогда только семь съ половиною лѣтъ, — стоявшій на окнѣ, закричалъ: „я вижу, папа ѣдетъ!“ Вскорѣ прибылъ Государь и произошла самая трогательная сцена. Всѣ бросились другъ къ другу въ объятія и потомъ пошли въ церковь служить благодарственный молебенъ, который весь простояли на колѣняхъ, въ слезахъ. Послѣ чего уже послѣдовали присяги.

Однажды въ 1812 году кучеръ Государя, Илья, пришелъ къ батюшкѣ просить у него коляску.

Отецъ мой спросилъ, для чего ему нужна эта коляска. Тотъ отвѣчалъ: „я скажу вамъ тайну: Государь посылаетъ меня въ Новгородъ; тамъ есть одинъ юродивый; Государю угодно спросить у него, что онъ скажетъ о начинающейся войнѣ“. Тогда отецъ мой сказалъ Ильѣ: „если ты уже повѣрилъ мнѣ тайну, то по возвращеніи скажи мнѣ отвѣтъ юродиваго“. Вотъ его разсказъ: „Поутру, еще до моего пріѣзда, юродивый велѣлъ женщинѣ, которая ходила за нимъ, вымести почище комнату, говоря, что къ нему пріѣдетъ гость. А когда я вошелъ къ нему съ хлѣбомъ,— обыкновенный приносъ тѣхъ, которые къ нему приходили,— онъ сказалъ: ты пришелъ отъ Бѣлаго Царя; скажи ему отъ меня, чтобъ онъ не унывалъ, что врагъ,—тогда Наполеонъ только перешелъ Нѣманъ,—долженъ быть въ его столицѣ,

но что все кончится благополучно и что онъ самъ будетъ въ столицѣ врага."

Я этотъ разсказъ слышала въ то время и очень хорошо помню каждое слово, только не помню, какъ звали юродиваго.

Когда Государь Александръ Павловичъ кончилъ жизнь, отецъ мой поѣхалъ въ Петербургъ поздравить Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ.

Императрица Марія Өедоровна спросила его объ Аракчеевѣ. Отецъ мой сталъ говорить искренно, что онъ думалъ о немъ. Тогда она сказала: „ахъ! пожалуста не говорите объ немъ дурнаго,—это былъ другъ императора Александра." Тутъ вошелъ великій князь Николай Павловичъ и увелъ моего отца къ себѣ въ кабинетъ. „Не говори матушкѣ объ Аракчеевѣ,—ты ее разстроишь," сказалъ онъ. — „А вамъ могу я говорить?" — „Мнѣ, конечно, ты можешь все говорить." — „Ну, такъ я вамъ скажу, что пока вы здѣсь церемонитесь съ вашимъ братомъ въ томъ, кто долженъ взойти на престолъ, Аракчеевъ занятъ тѣмъ, чтобы розыскивать убійцъ своей любезной. Всѣ тюрьмы новгородскія полны и у него множество царскихъ бланковъ, такъ что онъ можетъ ссылать въ Сибирь кого ему угодно."— „Хорошо, что ты мнѣ это сказалъ, отвѣтилъ Великій Князь; — я самъ ничего не могу сдѣлать,

но сего же дня соберу Государственный Совѣтъ, который немедленно пошлетъ курьера взять бланки. Я не могу тотчасъ удалить Аракчеева, такъ какъ онъ былъ друженъ съ моимъ братомъ; но ты можешь всѣмъ сказать, что при мнѣ онъ не будетъ имѣть той силы, которую имѣлъ.“ Такъ и было исполнено. Чрезъ нѣсколько дней Аракчеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представился императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Послѣ чего она разсказывала батюшкѣ, какъ онъ ее тронулъ, какъ онъ распростерся у ея ногъ. „Ну, что же ты ничего не говоришь, Сергѣй Ильичъ?“ спросила она.—„Да вы запретили мнѣ говорить.“—„Теперь я требую, чтобы ты сказалъ, что думаешь,“ говорила Императрица. — „Я думаю, отвѣчалъ отецъ мой, — что Аракчеевъ совсѣмъ не такъ разстроенъ, какъ вы воображаете, и въ доказательство я приведу вамъ то, что послѣ смерти этой скверной женщины, которую онъ любилъ, онъ былъ такъ разстроенъ, что не могъ пріѣхать въ Государственный Совѣтъ 6 недѣль; а теперь пріѣхалъ и занялъ свое мѣсто, чтобъ его не потерять.“— „Я вижу, какъ ты его не любишь,“ сказала Императрица.

Великій князь Николай Павловичъ поручилъ батюшкѣ привезти тѣло государя Александра Павловича въ Петербургъ. Когда онъ сопровождалъ тѣло, то Аракчеевъ выѣхалъ на встрѣчу изъ Грузина въ траурѣ и просилъ позволенія сѣсть на дроги въ головахъ у тѣла. Батюшка не рѣшился

ему въ этомъ отказать. Впослѣдствіи ямщики спрашивали моего отца: „видѣлъ ли ты, батюшка, чорта?“—„Нѣтъ, не видѣлъ и надѣюсь на милость Божію, что никогда не увижу.“—„А какъ же онъ сидѣлъ въ головахъ у Царя и мертвому такъ же не давалъ покоя, какъ и живому?“

Послѣ, когда императрица Марія Θедоровна ѣхала на коронацію въ Москву, Государь поручилъ батюшкѣ сопровождать ее.

Эти двѣ услуги послужили поводомъ для Государя дать моему отцу Андреевскую ленту въ день коронаціи.

Правда, служба его стоила этой награды, но все-таки она была безпримѣрною въ отношеніи къ человѣку, жившему уже на покоѣ.

Въ 1819 году мы ѣздили во вновь купленную деревню, въ Тамбовской губерніи, близь города Шацка, на освященіе храма, построеннаго батюшкой во имя Спаса Нерукотвореннаго. Святилъ храмъ архіерей Іона, бывшій послѣ того экзархомъ въ Грузіи. Онъ пріѣхалъ за сто верстъ изъ Тамбова съ многочисленною свитой, разумѣется, на нашъ счетъ. Съ нимъ были два архимандрита, ключарь соборный и еще строитель монастыря, кромѣ протодіакона и пѣвчихъ. Всѣмъ были наняты квартиры въ городѣ, гдѣ мы и сами жили

въ домѣ купца. Надобно объяснить, что наше село—пригородное, такъ что составляетъ какъ бы улицу города, и самая торговая площадь городская намъ принадлежитъ. Это имѣніе мы купили у Разумовскаго, а его отцу оно было пожаловано императрицею Елисаветою Петровною. Имѣніе это называется Черная Слобода, потому что въ немъ— всѣ городскія кузницы. Кузнецы эти такіе мастера, что дѣлаютъ экипажи. День освященія былъ самый торжественный. Церковь эта великолѣпная, съ самою лучшею живописью, какую только можно вообразить; а работана она, т. е. живопись, бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ семейства Мухановыхъ. Онъ имѣлъ великій талантъ и здѣсь въ Москвѣ есть иконостасъ его работы, которымъ любуются знатоки. Стиль его былъ строгій итальянскій, но принаровленный къ понятіямъ православныхъ. Архіерей и на другой день еще захотѣлъ служить въ новомъ, какъ онъ говорилъ, соборѣ. Гостей у насъ было до 40 человѣкъ. Преосвященный обѣдалъ у насъ; свитѣ его готовились обѣдъ и ужинъ также у насъ, но относились къ нимъ на квартиры. Я помню, что дядя Николай Ильичъ прислалъ намъ къ этому празднику изъ своей деревни сорокъ стерлядей.

IV.

Когда Веймарскій принцъ пріѣхалъ свататься за великую княжну Марію Павловну, онъ былъ неуклюжъ и простъ, такъ что батюшка сказалъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ: „неужели вы отдадите за него нашу Великую Княжну?“—„Конечно, не безъ ея согласія,“ отвѣчала Императрица. Чрезъ нѣсколько дней батюшка сопровождалъ Императрицу и великую княжну Марію Павловну верхомъ; съ ними ѣхалъ Принцъ. Это было въ Павловскѣ. Они остановились у Елисаветинскаго павильона. Императрица, Великая Княжна и Принцъ пошли наверхъ, а батюшка остался внизу. Вдругъ, къ его удивленію и скорби, онъ увидѣлъ, что Принцъ, сходя съ лѣстницы, цѣловалъ руку Маріи Павловны. Тутъ сердце ему сказало, что судьба милой Великой Княжны рѣшена, а вечеромъ онъ получилъ записку отъ Императрицы, написанную карандашомъ на маленькомъ клочкѣ бумажки: „Благословите насъ, батюшка, мы про-

сватали Великую Княжну за принца Веймарскаго".

Въ послѣдній разъ, когда Великая Княгиня была въ Москвѣ, она сказала, что нарочно ѣздила въ Елисаветинскій павильонъ, чтобы возобновить воспоминаніе этой прогулки съ моимъ отцомъ. Она жила долго съ мужемъ, который былъ добрый человѣкъ, хотя необыкновенно простъ умомъ. Она же была столько же умна, сколько добра— и добра, какъ ея мать. Въ Веймарѣ она, сколько позволяли средства, дѣлала добро, учреждала заведенія. А въ 1813 году заложила всѣ свои бриліанты, чтобы помогать раненнымъ, преимущественно русскимъ. Ни одинъ русскій не проѣзжалъ чрезъ Веймаръ, не посѣтивъ ее и не бывъ привѣтствованъ. Когда мы были у Великой Княгини въ 1840 году, можно было только удивляться ея радости и радушію, съ которыми она привѣтствовала моего отца и мать; посылала каждый день свой экипажъ за ними,—даже гросъ-герцогъ участвовалъ въ томъ же. Мы пробыли тамъ три дня. Онъ со слезами на глазахъ упрашивалъ, чтобы мы остались еще. Къ несчастію, сдѣлать это было невозможно.

Когда государь Николай Павловичъ пріѣхалъ на коронацію, онъ говорилъ съ батюшкой о печальномъ происшествіи 14 декабря и о томъ, какъ должно воспитывать дѣтей въ такихъ правилахъ,

чтобы не могло чего-либо подобнаго случиться. Батюшка говорилъ: „позвольте замѣтить вашему величеству, что большая часть молодыхъ людей, замѣшанныхъ въ этой исторіи, ваши воспитанники, а не наши.“ Такъ онъ оставался всегда вѣренъ своему откровенному характеру.—Еще одна черта или двѣ обрисуютъ его характеръ. Государь въ этомъ разговорѣ упрекалъ моего отца за то, что онъ не принялъ выбора въ губернскіе предводители дворянства, а отговорился довольно преклонными лѣтами: „Если такіе люди, какъ ты, сказалъ Государь,—не будутъ мнѣ помогать, то что я могу сдѣлать одинъ?“

Великая княгиня Елена Павловна, во время пребыванія своего въ Москвѣ, оскорбила моего отца тѣмъ, что не приняла его въ частной аудіенціи, какъ двухъ князей Голициныхъ—князя Сергѣя Михайловича и князя Дмитрія Владиміровича—и графа Петра Александровича Толстаго, а вышла къ нему въ общую залу и начала говорить съ нимъ по-французски, забывши, что онъ не зналъ этого языка. Однако же, спохватившись, она въ другой разъ пригасалли его и меня въ свой кабинетъ и тутъ, съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, сказала моему отцу: „Я теперь много узнала Россію“ (она только-что возвратилась изъ путешествія во внутреннія губерніи). „Я знаю, продолжала она,— что такое подвода и постой. Какъ странно, что матушка, жившая болѣе пятидесяти лѣтъ въ Россіи, совсѣмъ ее не знала.“—„Это вѣроятно, отвѣчалъ

мой отецъ, котораго она кольнула въ самое больное мѣсто,—потому, что тогда не такъ часто разъѣзжали по Россіи и берегли народъ, для котораго эти вояжи всегда обременительны". Мнѣ было очень совѣстно, но батюшка, не дождавшись ея отпуска, откланялся, говоря, что онъ не хочетъ болѣе обременять ее своимъ присутствіемъ, такъ какъ, живя давно далеко отъ двора, онъ забылъ, какъ должно обращаться съ высокими особами. Она погрозила ему пальцемъ и сказала: „вы меня не любите",—и потомъ объявила, что она ѣдетъ на другой день въ 9 часовъ. Несмотря на этотъ намекъ, отецъ не поѣхалъ ее провожать.

Впослѣдствіи она не знала, какъ загладить свою вину, и пригласила моихъ родителей къ себѣ обѣдать въ кабинетъ, гдѣ былъ только ея братъ и даже не служили люди, а входили только по звонку, такъ какъ разговоръ шелъ по-русски, то-есть въ самую дружескую короткость.

Разъ, когда Александръ Павловичъ сталъ шутить съ батюшкой въ довольно нескромныхъ словахъ, отецъ мой сказалъ ему: „это съ вашей стороны тѣмъ хуже, что я не могу требовать отъ васъ удовлетворенія, какъ бы поступилъ съ частнымъ человѣкомъ. Это несообразно съ обычною деликатностію вашего характера". Такъ люди того вѣка, привязанные всѣмъ сердцемъ къ царскому семейству, умѣли совсѣмъ тѣмъ держать себя не подобострасно, но съ достоинствомъ. Отца моего

любила царственная семья можетъ-быть еще болѣе потому, что уважала его и остерегалась его чѣмъ-нибудь обидѣть, зная между тѣмъ, что онъ душею былъ ей преданъ. Конечно, и тогда было много льстецовъ и людей подобострастныхъ, но все-таки обхожденіе съ царями и ихъ семействомъ было свободнѣе и благороднѣе. Краткое царствованіе Павла Петровича не успѣло испортить духа, влитаго въ націю Екатериною.

Императоръ Александръ Павловичъ ждалъ пріѣзда прусскаго короля. Ему хотѣлось, чтобы къ пріѣзду, до котораго оставалось не болѣе двухъ недѣль, была приготовлена карета à la Domont, экипажъ, гдѣ правятъ съ коня. Императоръ обратился съ приказаніемъ насчетъ такого экипажа къ моему отцу. Батюшка отвѣчалъ, что въ такой короткій срокъ этого сдѣлать невозможно; Государь тогда сказалъ, что нельзя ли сдѣлать такой экипажъ изъ обыкновенной кареты, отпиливши у нея козлы. Батюшка отвѣчалъ, что и это невозможно. „Ты все говоришь невозможно, но навѣрное моему отцу не посмѣлъ бы сказать.“ Отецъ мой на это сказалъ: „развѣ вы желали бы, чтобы васъ обманывали такъ же, какъ и вашего батюшку?“—„А какъ же его обманывали,—разскажи!“ – „Однажды императоръ Павелъ Петровичъ, отвѣчалъ мой отецъ,—отдалъ приказаніе, чтобъ его золотая карета на другой день была синею. Въ угожденіе Государю, было рѣшено пе-

рекрасить эту карету. Къ счастію, былъ морозъ и краска держалась; на утро подали эту карету Государю и онъ остался доволенъ. Но въ теченіе его прогулки солнце пригрѣло краску, она растаяла и карета сдѣлалась изъ синей полосатою. Государь видѣлъ это, но тѣмъ не менѣе остался доволенъ, что исполнили его приказаніе.“ Императоръ Александръ Павловичъ, выслушавъ этотъ разсказъ, сказалъ: „нѣтъ, я не желаю, чтобы меня такъ же обманывали“.

У матушки моей былъ танцовальный учитель Делёка. Разъ онъ пріѣхалъ весь въ грязи и разсказалъ, что онъ встрѣтился съ императоромъ Павломъ Петровичемъ. Такъ какъ было очень грязно, то онъ не сошелъ съ дрожекъ, а только сталъ на подножку. Тогда Государь, прогнѣвавшись, велѣлъ его, одѣтаго въ бѣлыхъ чулкахъ, водить по лужѣ.

Разъ императоръ Александръ Павловичъ шелъ по дворцовому корридору и лакей, бѣжавшій съ какимъ-то приказаніемъ, наткнувшись, толкнулъ его. Государь началъ уже гнѣваться, когда Александръ Львовичъ Нарышкинъ развеселилъ его шуткою, сказавши, что всего досаднѣе, что этотъ человѣкъ испортилъ русскую пословицу: „у страха глаза велики“.

Разъ Государь Александръ Павловичъ спросилъ

за обѣдомъ: „когда же, Сергѣй Ильичъ, я буду у тебя обѣдать?"—„Когда я не буду жить въ казармахъ", отвѣчалъ отецъ.

Съ начала царствованія своего Александръ Павловичъ чрезвычайно любилъ моего отца, ласкалъ его, безпрестанно бралъ его съ собою въ коляску и приказалъ ему пріѣзжать безъ зова обѣдать, когда ему вздумается. Но скоро, благодаря прямому и откровенному своему характеру, отецъ потерялъ этотъ фаворъ, потому что разъ сказалъ не совсѣмъ пріятное слово Царю. Государь смотрѣлъ въ лорнетъ на хорошенькую горничную Императрицы. „Посмотри, какъ она мила", сказалъ онъ отцу.—„Съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ, отвѣчалъ онъ,—я пересталъ заглядываться на хорошенькихъ." Съ этого дня Государь уже не приглашалъ его въ свою коляску. Тогда отецъ еще не зналъ, что Государь имѣлъ нѣкоторое право поступать иначе.

Еще нѣсколько словъ о моемъ отцѣ. Росту онъ былъ большаго и съ самою пріятною наружностію: имѣлъ глаза каріе, кроткіе и ласковые, характеръ ровный и чрезвычайно привѣтливый; носъ—неправильный, но ротъ очень пріятный, и зубы, пока ихъ не испортили каломелью и разными лѣкарствами,—ровные и бѣлые. Въ семействѣ онъ былъ настоящимъ ангеломъ и другомъ своихъ дѣтей. Онъ былъ очень богомоленъ, но

любовь его къ Спасителю была такъ естественна, какъ и всѣ добродѣтели, – какъ будто онъ не могъ быть иначе. Я всегда удивлялась его эстетическому вкусу въ архитектурѣ и живописи; къ музыкѣ онъ не имѣлъ склонности, но очень любилъ садоводство. Вообще онъ имѣлъ въ себѣ что-то такое привлекательное, что съ перваго раза его любили и уважали. Одѣвался онъ всегда очень аккуратно, такъ что племянники совѣстились бывать у него въ сюртукахъ, потому что онъ самъ ходилъ во фракѣ, хотя онъ часто выговаривалъ имъ за это. Послѣдніе годы онъ носилъ сюртукъ, но даже при насъ онъ не любилъ, чтобы мы видѣли его безъ галстука. Вотъ его характеристика. Мнѣ тяжело болѣе распространяться, хотя о немъ трудно было бы наговориться.

Друзей онъ имѣлъ много, да и можно сказать, что все человѣчество было его другомъ; слуги до сихъ поръ не могутъ забыть его ласковаго съ ними обхожденія.

Когда скончалась императрица Марія Θедоровна, мы узнали объ этомъ нечаянно на станціи, ѣхавши въ Москву изъ Калуги, но скрыли это до Москвы отъ отца. Тяжело было скрывать это отъ него, такъ какъ мы ѣхали въ одной съ нимъ каретѣ, и тяжело было слушать, какъ онъ дѣлалъ планы поѣздки своей въ Кіевъ съ Маріею Θедоровною. Только-что мы пріѣхали въ Москву, при самомъ входѣ въ переднюю комнату, человѣкъ,

оставашійся въ Москвѣ, поспѣшилъ объявить ему о случившемся. Это произвело такое сильное дѣйствіе на него, что должно было немедленно пустить ему кровь изъ руки, послѣ чего онъ хотѣлъ немедленно ѣхать въ Петербургъ. Къ счастію, мундиръ его былъ въ обозѣ, такъ что онъ нѣсколько отдохнулъ поневолѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вошелъ въ ту залу, гдѣ стояло тѣло Императрицы, всѣ присутствовавшіе были поражены и тронуты его горестію и всѣ фрейлины стали за нимъ ухаживать. Въ Петербургѣ еще разъ нужно было пустить піявочную кровь. Онъ хотѣлъ непремѣнно дежурить при тѣлѣ первую ночь по пріѣздѣ своемъ и пѣшкомъ шелъ за гробомъ до самой крѣпости. Императрица Александра Ѳедоровна заботилась о немъ и присылала узнать, сколько лѣтъ моей меньшой сестрѣ, и когда узнала, что она выѣзжаетъ въ свѣтъ, прислала ей свой фрейлинскій шифръ, сказавъ: „чего не успѣла докончить матушка, то слѣдуетъ сдѣлать мнѣ“.

V.

Теперь я возвращусь къ 1809 году, когда батюшка занемогъ своею тяжкою болѣзнію. У него были прекрасные бѣлые зубы; вдругъ, во время стола у Императрицы, онъ почувствовалъ ужасную боль въ зубѣ. Взявъ въ ротъ нѣсколько краснаго вина, онъ утолилъ тѣмъ на минуту боль; но, пріѣхавши домой, сталъ чувствовать то же. Боль приходила въ одинъ и тотъ же часъ и проходила безъ всякой причины. Теперь, когда медицина сдѣлала столько успѣховъ, тотчасъ узнали бы по этимъ пароксизмамъ перемежающуюся лихорадку; дать бы соотвѣтствующія средства, тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но тогда признавали только одинъ видъ лихорадки и болѣзнь отца приписали такимъ причинамъ, которыя и не могли существовать. Они стали его лѣчить меркуріальными средствами и довели его почти до смерти, такъ что лучшій изъ врачей, Крейтонъ, когда увидѣлъ его въ первый разъ, назначилъ ему только шесть недѣль жизни. Къ несчастію, у него было семь док-

торовъ: домовый врачъ Кёрнеръ, Роджерсонъ, докторъ Екатерины II, который, правда, уже не практиковалъ и ѣздилъ только по дружбѣ, хотя и онъ иногда давалъ совѣты, Лейтонъ, привезенный друзьями Саблуковыми, Крейтонъ, присланный императрицею Маріею, Клеменцъ, докторъ конюшенной команды—по долгу службы, Тиманъ, привезенный другомъ Витовтцовымъ, и наконецъ Симсонъ.

Такъ и выходило по русской пословицѣ, что у семи нянекъ дитя безъ глаза. Наконецъ натура взяла свое, сдѣлалась обыкновенная лихорадка, стали давать хину—и батюшка выздоровѣлъ. Но теперь нужно было выгнать изъ организма меркурій; для сего нашли одно средство — кавказскія воды и надобно было туда ѣхать. Государь приказалъ батюшкѣ явиться къ нему на прощаніе въ простомъ сюртукѣ, какъ онъ ходилъ дома. Когда его увидѣлъ Вилье, докторъ Государя, то сказалъ: „акими судьбами вы вырвались изъ рукъ семио докторовъ?" — „Можетъ-быть, отвѣчалъ шуткою батюшка,—отъ того, что тебя не было осьмаго."

Батюшка отправился въ путь въ сопровожденіи Кёрнера. До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ. Мнѣ было тогда 6 лѣтъ. Въ Москвѣ матушка, уже въ тяжеломъ положеніи, осталась для разрѣшенія отъ бремени. По истеченіи шести недѣль по рожденіи моей сестры Екатерины, воспріемницею которой была сама Императрица, матушка отправилась въ дорогу, въ свою Калуж-

скую деревню, гдѣ и дожидалась батюшки. Онъ былъ уже въ лучшемъ состоянiи, но лихорадка по временамъ возвращалась, такъ что на слѣдующее лѣто онъ долженъ былъ опять ѣхать на Кавказъ. Тогда мы отправились уже всею семьею, то-есть матушка, сестра Анна и я, а двѣ младшiя остались у дяди Ивана Ильича въ селѣ Успенскомъ. Мы поѣхали съ докторомъ Газомъ, который былъ посланъ изслѣдовать минеральныя воды; съ нимъ былъ еще двоюродный братъ матушки, Θедоръ Александровичъ Ушаковъ, и еще одинъ рязанскiй помѣщикъ, присоединившiйся къ намъ въ Рязани. Смѣшно было то, что онъ всегда хотѣлъ ѣхать между экипажами, когда мы приближались къ Кавказу, думая, что такъ онъ лучше спасется отъ нападенiя черкесовъ. Тогда отъ Ставрополя давали путешественникамъ конвой, но для батюшки, по всей Землѣ Донскаго Войска, на всякой станцiи былъ назначенъ почетный конвой изъ десяти казаковъ съ офицеромъ. Батюшка обыкновенно дарилъ ихъ деньгами и не бралъ конвоя; но иногда они настоятельно требовали, чтобы позволено было провожать насъ. Я помню одного мальчика, лѣтъ 12-ти, который скакалъ всю станцiю вблизи нашихъ колесъ. Батюшка просилъ, чтобъ его отпустили, но ему сказали, что подвигъ молодаго казака будетъ записанъ въ его формулярѣ. Помню еще, какъ мы на баркѣ переѣзжали разлившiйся Донъ, какъ казацкiе старшины поднесли батюшкѣ осетра, завернутаго

въ богатомъ коврѣ, который, конечно, имъ былъ возвращенъ: какъ батюшка чуть не утонулъ, свѣсившись за бортъ, при чемъ онъ былъ въ большой опасности: казакъ, схватившій его за ногу, едва этимъ способомъ могъ втащить его на барку. Замѣчательно, что однажды цыганка сказала ему, что если ему посчастливится не утонуть, онъ проживетъ долго. Батюшка кончилъ жизнь на 80 году. Помню еще, какъ мы на горѣ проѣхали сквозь облако; какъ первый разъ увидѣли саранчу и какъ намъ подали въ карету пойманное насѣкомое съ странными крылышками.

Такъ запечатлѣваются въ этомъ возрастѣ отдѣльныя картины, а связь пропадаетъ. Мы ѣхали по Землѣ Донскихъ казаковъ 200 верстъ въ день,— такъ гладка была дорога. Но изъ Москвы мы ѣхали до Кавказа три недѣли, потому что на ночь всегда останавливались, какъ бы плоха ни была станція. Впрочемъ нужно признаться, что ночлеги были вообще очень скверные,—въ одной комнатѣ съ нами бывали и телята. Намъ строго было запрещено жаловаться или показывать брезгливость. По возможности, насъ вездѣ покоили по приказанію самого Государя, разосланному чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ всѣмъ губернаторамъ. На Кавказѣ не было еще ничего устроено. Въ четырехъ верстахъ отъ водъ было небольшое поселеніе и домъ коменданта. Всѣ пріѣзжающіе помѣщались въ калмыцкихъ кибиткахъ, привозимыхъ на верблюдахъ. У насъ были двѣ кал-

мыцкія юрты, въ которыхъ устроены ванны пониже источника, такъ что въ нихъ было на 2 градуса меньше тепла. Тогда еще былъ одинъ источникъ сѣрныхъ водъ изъ горы Мичуги. При насъ былъ открытъ еще одинъ источникъ, который былъ названъ Елизаветинскимъ. Городъ Георгіевскъ былъ тогда губернскимъ городомъ и отстоялъ отъ водъ на 40 верстъ; туда надо было посылать за лѣкарствами и за лимонами, но съ нами была небольшая аптечка и всѣ вина. Трудно было тогда ѣхать на Кавказъ,—надобно было везти съ собою все необходимое. Тутъ застали мы колонистовъ, вызванныхъ изъ Сарепты, гдѣ имъ наскучила ихъ община.

Кажется, никто кромѣ славянскихъ народовъ въ общинѣ не уживается, а какъ хороша она у насъ! Истребить ее значило бы въ теперешнемъ порядкѣ правленія—сдѣлать изъ нашихъ крестьянъ хуже лифляндскихъ поселянъ. Каждое отдѣльное лице было бы задавлено и землевладѣльцемъ, и такъ-называемымъ кулакомъ, а община есть сила, охраняющая право и благосостояніе крестьянъ и обезпечивающая взносы податей. Отнимите ее — и крѣпостное право возвратится въ худшемъ видѣ, нежели прежде, потому что порвана будетъ вѣковая связь между помѣщикомъ и крестьянами; онъ станетъ для нихъ чужой, не обязанный пещись объ ихъ благосостояніи, а только наблюдающій свои интересы. Люди вездѣ одинаковы, и если русская натура помягче нѣмец-

кой, все-таки будетъ больше корыстолюбивыхъ, чѣмъ добрыхъ. Конечно, хозяйство можетъ быть лучше у отдѣльнаго поселянина, чѣмъ у общинника, но только въ томъ случаѣ, когда постановленія государства свободны, когда вездѣ царствуетъ безпрепятственно законъ, а у насъ еще только начинаютъ привыкать къ легальности и при малѣйшемъ послабленіи надзора проявляется произволъ въ самомъ дикомъ видѣ. Нравы не измѣняются такъ же скоро, какъ законы.

Но для чего я такъ далеко отвлеклась отъ предмета? Мнѣ нужно было высказать нѣсколько мучительныхъ для меня мыслей. Живя часто въ деревнѣ, я хорошо знаю бытъ крестьянъ и знаю, что тѣ, которые поумнѣе, понимаютъ это дѣло такъ же, какъ и я; но конечно жалуются и на общину, какъ жаловались на помѣщиковъ, какъ будутъ всегда жаловаться, пока свѣтъ стоитъ, на все, — таковъ уже человѣкъ. Но возвратимся къ колонистамъ.

Колонистовъ этихъ вызвали изъ Сарепты, но еще не отвели имъ земли и они, бѣдные, не знали, куда приклонить свои головы, пристали съ просьбами къ отцу, который взялся быть ихъ ходатаемъ, — и точно, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ настоятельно просилъ бывшаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева объ окончательномъ поселеніи колонистовъ. Я буду говорить объ нихъ впослѣдствіи.

Въ первое мое посѣщеніе Кавказа я была еще

слишкомъ мала; мнѣ было тогда только семь лѣтъ и впечатлѣнія отъ величаваго вида горъ слабо остались въ памяти. Потомъ, одиннадцати лѣтъ, я была опять тамъ и тогда энтузіазмъ выражался въ нескладныхъ моихъ писаніяхъ. Изъ перваго вояжа помню еще посѣщеніе нами жилищъ шотландскихъ миссіонеровъ, которымъ, по космополитическому расположенію, государь Александръ Павловичъ дозволилъ проповѣдывать Евангеліе на Кавказѣ. Помню, какъ меня занималъ станокъ, гдѣ печатали при насъ Библію на туземномъ нарѣчіи. Нельзя сказать, чтобы проповѣдь была успѣшна; напротивъ того, миссіонеры жаловались, что мальчики, обучавшіеся у нихъ, всегда кончали тѣмъ, что обкрадывали ихъ и уходили восвояси. Однажды при такомъ разсказѣ стоялъ одинъ изъ учениковъ. Батюшка, обратясь къ нему, сказалъ: „вѣрно и ты такъ же поступишь?“ Обиженный этимъ, мальчикъ заплакалъ. Можетъ-быть въ этомъ были зачатки добра. Я помню, какъ разъ я испугалась, когда, сидя за фортепіанами, вдругъ увидала себя окруженною черкесами, вооруженными съ головы до ногъ. Они пріѣхали насъ посѣтить; я была одна въ комнатѣ; они осматривали инструментъ снаружи и внутри. Пришла матушка и проиграла имъ вальсъ. Они были въ восхищеніи и сказали: „маленькая твоя дѣвка хорошо играетъ, а большая дѣвка лучше“. Кажется, это принадлежитъ къ воспоминаніямъ изъ другой поѣздки,—семи лѣтъ я еще не

училась музыкѣ. Такъ путаются воспоминанія двухъ вояжей. Отъ горячихъ ваннъ тогда, — не знаю, какъ теперь, — ѣздили пользоваться для подкрѣпленія силъ въ Кисловодскъ и пили воды изъ источника Нарзанъ. Вездѣ была опасность отъ нападенія черкесовъ. По всѣмъ горамъ стояли пикеты.

Теперь буду говорить о второмъ нашемъ путешествіи въ 1814 году. Вотъ сколько было насъ въ этомъ поѣздѣ: родители наши и всѣ мы, Пелагея Алексѣевна Путинцева — другъ нашего семейства, жившая съ матушкой еще до ея замужства; дѣвица Трескина, взятая изъ института; гувернантка, нѣмка-няня, докторъ Мухау, весьма посредственный врачъ съ забавными дистракціями. Мы ѣхали съ меньшими почестями и удобствами; блестящая эпоха жизни батюшки при Дворѣ начала блѣднѣть, хотя онъ продолжалъ еще пользоваться добрымъ расположеніемъ царственнаго дома. Въ Землѣ Донскихъ казаковъ не было уже Платова, который носилъ насъ на рукахъ. Онъ выслалъ полотняный домикъ на станцію Гнилой-Ягарлыкъ, потому что тамъ не было другаго жилища, кромѣ землянокъ. При немъ насъ сопровождалъ офицеръ до самой границы Войска Донскаго; онъ везъ фрукты, которыми подчивалъ насъ на всякой станціи. Но за то дорога была намъ знакомѣе и мы знали, что насъ ожидало.

На Кавказѣ все было мало устроено, но колонистовъ мы нашли уже поселенными; они приносили краю большую пользу, снабжая жителей бѣлымъ хлѣбомъ и овощами. Мы остановились въ домѣ коменданта Веревкина, который уступилъ намъ не только домъ, но и садъ — единственное убѣжище, гдѣ было нѣсколько зелени и овощей; кругомъ все сгорѣло отъ сильныхъ жаровъ,—шесть недѣль не было ни капли дождя. Теперь уже я могла восхищаться природою. Какъ часто, при захожденіи солнца, мы любовались цѣпью армянскихъ горъ съ вѣчноснѣговыми вершинами и между ними Эльборусомъ! Онъ виднѣется издали съ раздвоенною вершиною, на которой розовымъ, пурпуровымъ цвѣтомъ отражаются лучи солнца. Смотрѣли съ благоговѣйнымъ восторгомъ на гору Бештау, особенно когда она опоясывалась тучами, изъ которыхъ блистала молнія, слышался громъ, а вершина оставалась спокойною. Гора эта по отлогости имѣетъ семь верстъ вышины. Нѣкоторые путешественники, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ верхомъ, взбирались на самую вершину, на которой видѣли много змѣй. Между этою горой и горою Мичугою, изъ которой вытекаетъ цѣлебный источникъ, образовался провалъ. Мы часто подходили къ нему и бросали камни, при чемъ никогда не слыхали, какъ они падали. Послѣ открыли внизу озеро съ голубою, прозрачною и тоже цѣлебною водой и прорыли къ нему тоннель. Видъ разнообразился калмыцкими кибит-

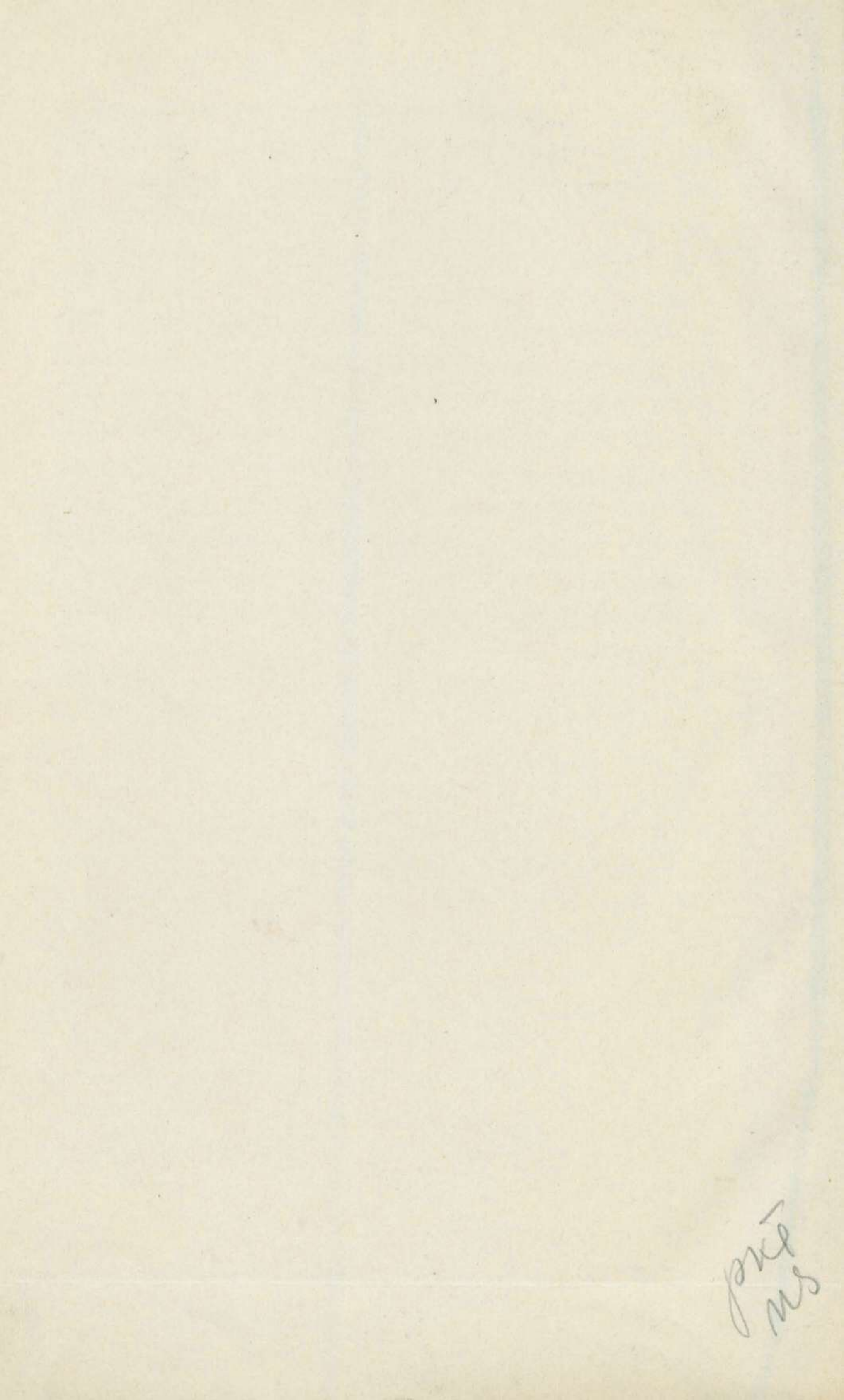
ками, черкесскими арбами, пасущимися верблюдами и стадами буйволовъ. Между черкесами мы нашли своего кунака. Кунакъ означаетъ другъ; онъ рѣшится умереть за своихъ друзей, если нужно; подъ его кровомъ друзья всегда находятъ безопасное убѣжище. Мы посѣтили, по просьбѣ жителей, ближайшій аулъ мирныхъ черкесовъ; впрочемъ это не черкессы, а просто татары,—черкесы живутъ гораздо дальше въ горахъ. Ѣхавши къ нимъ, мы запаслись кренделями и лакомствами; насъ провели въ обиталище княгини,—это длинная мазанка съ малыми окнами. Княгиня сидѣла на возвышенномъ мѣстѣ, а придворныя около нея на полу, всѣ въ однѣхъ рубашкахъ, съ отвратительными физіономіями и формами. До замужства дѣвицъ зашиваютъ въ нѣчто въ родѣ кожанаго корсета и онѣ въ такомъ видѣ остаются до тѣхъ поръ, пока мужъ не разрѣжетъ кожанаго ремня, которымъ стянутъ корсетъ. Формы тѣла, такъ долго сжатыя, расползаются до безобразія. Мы не успѣли открыть узла, какъ онѣ наткнулись на насъ, вырвали изъ рукъ привезенные гостинцы и тотчасъ растерзали ихъ. А княгиня, одѣтая въ парчевое платье, сидѣла неподвижно, какъ кукла, на своемъ возвышеніи. Ей подарили мы шелковый платокъ. Въ жилище княгини мущины не впускаются. Потомъ пошли мы къ другой княгинѣ, премилой и прелюбезной, и сожалѣли, что не запаслись другими гостинцами, такъ какъ не ожидали видѣть двухъ княгинь въ одномъ аулѣ.

Черкесы занимали насъ танцами своихъ дѣвицъ, которыя, зашитыя въ корсеты, толкались на одномъ мѣстѣ, а мущины, съ прелестными маленькими ножками, обутыми въ кожаные башмачки безъ швовъ, выдѣлывали трудныя па̀. Всѣ они просили насъ переночевать у нихъ, обѣщая заколоть для ужина лучшаго барана, но мы не согласились остаться въ ихъ непригдядныхъ жилищахъ. Они провожали насъ изъ своего аула верхами и джигитовали для нашего удовольствія. Были мы и у колонистовъ, нашихъ давнишнихъ друзей. Они развели садики и ульи пчелъ, подчивали насъ медомъ и были вообще довольны нашимъ посѣщеніемъ.

Наконецъ пришло время ѣхать въ Кисловодскъ Тамъ мы остановились въ домѣ коменданта маленькой крѣпостцы, единственномъ убѣжищѣ съ крышкою. Тамъ была только одна комната съ поломъ, а прочія набиты землею. Всѣ другіе путешественники жили въ калмыцкихъ кибиткахъ. Разъ батюшка, не дождавшись насъ, пошелъ на источникъ. Былъ небольшой дождь и онъ промочилъ себѣ ноги и захватилъ кавказскую лихорадку. Болѣзнь была ужасная. Приходило по три пароксизма въ день. Потомъ съ нимъ произошелъ летаргическій сонъ на нѣсколько дней. Наконецъ, по милости Божіей, болѣзнь начала уступать. Но сезонъ кончился, и путешественники и маркитанты стали разъѣзжаться. Комендантъ съ войскомъ также хотѣлъ удалиться и захватить съ

собою походную церковь. Это очень разстроило моего отца и онъ, призвавъ коменданта, сказалъ ему, что если тутъ есть полковая церковь, то только потому, что онъ выпросилъ ее у Государя. Комендантъ остался и палатки съ церковію были разбиты подъ окнами спальни. Между тѣмъ едва начинавшему выздоравливать больному захотѣлось кушать дичь. Но гдѣ взять ее? Придумали готовить воробьевъ, обѣщали платить по 5 копѣекъ за воробья. Ихъ стали носить мѣшками и должно было убавить цѣну. Въ одно утро комендантъ прислалъ объявить, что въ восьми верстахъ отъ Кисловодска, въ Моздокѣ, открылась чума. Не столько испугала насъ сама болѣзнь, сколько мысль, что придется шесть недѣль жить подъ карантиномъ, если успѣютъ сдѣлать распоряженіе, потому что въ карантинѣ тогда, кромѣ землянокъ, не могло быть другаго помѣщенія. Итакъ, надо было ѣхать немедленно. Между Кисловодскомъ и теплыми водами есть одно мѣсто очень опасное. Съ одной стороны крутая гора, а съ другой — бездонная пропасть. Дорога идетъ между горой и пропастью. Путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Батюшка лежалъ въ экипажѣ и не могъ шевельнуться. Къ счастію, съ нами былъ довольно многочисленный казацкій конвой. Казаки привязали веревки къ колесамъ и все время держали экипажъ. Переѣздъ этотъ былъ счастливѣе, нежели мы думали. Батюшка нѣсколько оправился и мы, от-

дохнувъ немного, отправились въ дальнѣйшій путь. Въ карантинѣ насъ продержали только сутки, вмѣсто четырехъ. Несмотря на это, въ землянкѣ у батюшки появился страшный пароксизмъ прежней лихорадки. Онъ написалъ полковнику Абрамову въ Москву, завѣдывавшему его дѣлами, чтобъ онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Новочеркаскъ, потому что, чувствуя себя слабымъ, онъ даже и не надѣялся доѣхать до Новочеркаска и хотѣлъ поручить ему свое семейство. Но съ продолженіемъ путешествія его здоровье начало поправляться. Сначала онъ думалъ зимовать въ Воронежѣ, но потомъ, чувствуя себя крѣпче, доѣхалъ съ нами до Тулы, далѣе до Москвы и наконецъ пріѣхалъ совсѣмъ благополучно въ Петербургъ.

2011147251